

ВСЕРОССІЙСКІЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

Историческій очеркъ.

Н. Н. Мазуренко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюб. Общества. Лиговская ул., 26.
1905.

ВСЕРОССІЙСКІЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

Историческій очеркъ.

Н. Н. Мазуренко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣкол. Общества. Лиговская ул., 26.
1905.

Дозволено цензурою. Спб. 21 февраля 1905 года.

Предисловіе.

Мысль о необходимости созванія Земскаго Собора заинтересовала всю Россію и многіе восторженно отнеслись къ ней, полные надеждъ на это, вѣками испытанное средство, упорядоченія русской государственной и общественной жизни.

Въ виду этого, мы нашли вполнѣ своевременнымъ предложить читающей публикѣ краткій обзоръ всѣхъ Земскихъ Соборовъ, созванныхъ русскими Государями, начиная отъ перваго высоко даровитаго правителя, которому пришла въ голову эта прекрасная мысль.

Помимо ознакомленія съ тѣмъ, когда, кѣмъ, съ какими цѣлями и въ какомъ порядкѣ въ старину созывались въ Россіи Земскіе Соборы, мы находимъ полезнымъ ознакомить читателей нашихъ со всѣми взглядами, высказанными нашими современными писателями по поводу предполагаемаго созванія новаго Земскаго Собора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду крайняго интереса, возбужденнаго надеждами о близкомъ совѣщаніи Русскаго Царя съ глубокопреданными ему подданными, мы находимъ необходимымъ, прежде чѣмъ приступить къ выполненію вышесказанной задачи нашей, высказать нѣсколько общихъ соображеній по поводу новаго Земскаго Собора.

Въ трудные моменты нашей государственной жизни, въ затруднительныхъ случаяхъ, а иногда и прямо въ безвыходномъ положеніи, русскіе государи отъ Іоанна Грознаго и до

Екатерины Великой *) прибѣгали къ этому способу прислушаться внимательно къ голосу народа всей Россіи.

Они находили полезнымъ посовѣщаться съ лучшими, избранными, опытными, добросовѣстными людьми своего народа. Они вѣрили, что гласъ народа—гласъ Божій!

Они вѣрили, что созвать всероссійскую сходку и предоставить всѣмъ и каждому, безъ различія общественнаго и имущественнаго положенія, право откровенно, безъ всякаго стѣсненія, высказать все, что Богъ ему на душу положитъ по вопросамъ объ общемъ государственномъ дѣлѣ, о выгодѣ и невыгодѣ, о благѣ, счастьи и спокойствіи всего населенія, всѣхъ и каждаго, словомъ, всего государства; это лучшій и единственный способъ узнать истинное, неподкрашенное, непридуманное положеніе дѣла, отношеніе населенія другъ къ другу, къ правительству и правильность отправленія правосудія и управленія всей страной.

Конечно, для этого надо дать каждому обывателю, будь онъ бѣденъ или богатъ, высоко или низко поставленъ, полное право высказаться безъ всякаго стѣсненія, по чистой совѣсти и по силѣ своего разумѣнія.

Государи наши не ошибались въ своей надеждѣ услышать отъ народа искренное, разумное слово и полезный совѣтъ; они знали, что на этой великой, всероссійской сходкѣ неизбѣжно найдутся сильные духомъ, много видѣвшіе, много думавшіе люди, которые громко и смѣло выскажутъ свое мнѣніе о томъ, что *полезно* и *необходимо* для устраненія неурядицы и бѣдствій.

Верховные вожди государства чутко прислушивались къ этимъ голосамъ земскихъ людей, собравшихся отъ побережья Бѣлаго моря, Урала, Дона, Днѣпра. Они называли себя уже *Самодержцами*, пользовались ни чѣмъ не ограниченной властью, но никогда не признавали униженіемъ своего до-

---

*) Послѣдній Земскій Соборъ былъ созванъ императрицей Екатериной Великой знаменитымъ ея Высочайшимъ манифестомъ 14 декабря 1766 года. Хотя она назвала этотъ Соборъ: Коммиссія Депутатовъ, но эта Коммиссія имѣла вполнѣ характеръ Земскаго Собора.

стоинства и умаленіемъ прерогативъ своей власти относиться съ уваженіемъ къ совѣтамъ опытныхъ и знающихъ земскихъ людей, мнѣнія которыхъ высказывались всегда скромно и почтительно, но нисколько не роняя своего личнаго достоинства.

Послѣ Земскихъ Соборовъ бодрѣе и здоровѣе чувствовало себя все населеніе и ровнѣе, спокойнѣе текла государственная жизнь.

Такая всероссійская сходка добросовѣстныхъ русскихъ людей если не создастъ какихъ либо *новыхъ* и *прочныхъ формъ общественнаго строя,* во всякомъ случаѣ укажетъ болѣе надежный, лучшій путь, укажетъ возможные способы улучшенія матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго уклада общества.

Во всякомъ случаѣ она ярко обрисуетъ общее настроеніе, она выяснитъ стремленія всего народа къ общему благосостоянію и выяснитъ слабыя стороны органовъ управленія.

Съ глубокимъ уваженіемъ относясь къ старинѣ, къ обычаямъ и нравамъ предковъ, было бы непростительнымъ заблужденіемъ и даже смѣшно предполагать, что старые принципы, старыя формы пригодны и въ настоящее время. По меньшей мѣрѣ странно полагать, что въ настоящее время на нихъ можно надѣяться, какъ на якорь спасенія.

Ясное дѣло, что Земскій Соборъ въ настоящее время, кромѣ названія и принципа довѣрія Верховнаго Вождя къ мнѣніямъ и совѣтамъ преданнаго ему народа, ничего общаго не можетъ имѣть съ Земскими Соборами временъ Іоанна Грознаго, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михаиловича и Петра Великаго.

Отъ стараго прошлаго, при всемъ къ нему уваженіи, какъ къ вѣрованіямъ и дѣяніямъ дорогихъ намъ кровныхъ предковъ, мы возьмемъ только прекрасное, звучное, чисто славянское названіе: Земскій Соборъ, и глубокое довѣріе, которое оказывали наши Верховные Владыки къ гласу созываемаго ими народа. Все остальное, понятно, сложится и разовьется иначе, нежели двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Не тотъ порядокъ созыва, не тѣ полномочія, не тѣ вопросы могутъ быть теперь; все это, понятно, будетъ разниться отъ прежняго, но такъ же смиренно, такъ же скромно и почтительно, какъ и въ старые годы, будетъ высказано созвавшему Соборъ Верховному Вождю, который, несомнѣнно, также точно какъ и предки его, внимательно прислушается къ народному голосу и по примѣру предковъ не откажетъ въ удовлетвореніи скромныхъ пожеланій своихъ подданныхъ.

Глубоко вѣруя въ обновленіе Россіи посредствомъ созыва Земскаго Собора для свободнаго, дружескаго совѣщанія Монарха съ преданнымъ ему народомъ, при устраненіи во время этого совѣщанія всякаго формализма, всякой канцелярщины,—мы съ живой радостью, съ горячимъ нетерпѣніемъ ждемъ созыва Великаго Собора Земли русской!..

I.

Царь Іоаннъ Васильевичъ.

Первый въ Россіи Земскій Соборъ былъ созванъ въ Москвѣ въ 1548 году *) царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, котораго не смотря на его жестокость, необузданность и нерѣдко дикіе, свирѣпые порывы, народъ все же высоко цѣнилъ и даже любилъ.

Достаточно было самаго факта созванія Собора, чтобы убѣдить народъ, что хотя и Грозный, но царь задумалъ сдѣлаться справедливымъ и долгомъ своимъ призналъ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры для огражденія народа отъ насилія, произвола, всякаго рода обиранія и притѣсненій, не только крупными боярами, но и всякими чиновниками и агентами самаго правительства. Всѣ эти намѣстники, волостители, тіуны притѣсняли народъ не менѣе помѣстныхъ бояръ, распоряжавшихся въ своихъ вотчинахъ самовластно и безконтрольно.

По смерти отца своего Василія Ивановича **) будущій Грозный царь остался четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Не долго прожила послѣ того и мать его Елена, урожденная Глинская, умершая черезъ четыре года послѣ смерти мужа. Еще при жизни матери Ивана Грознаго, женщины нисколько не отличавшейся энергіей и силою воли, окружавшіе его могущественные бояре, какъ приближенные къ покойному Василію Ивановичу, такъ и новые, снискавшіе расположеніе его вдовы, или близкіе ея родственники, интриговали, ссорились между собою и все болѣе и болѣе захватывали власть въ свои

---

*) О времени созванія Собора мнѣнія ученыхъ историковъ весьма разнообразны Карамзинъ относитъ созваніе перваго Собора къ 1547—1550 годамъ. Павловъ признаетъ 1549 годъ. Костомаровъ, Бѣляевъ, Сергѣевичъ относятъ его къ 1548 году; Загоскинъ, Устряловъ и другіе, кто къ 1549, кто къ 1548, а нѣкоторые къ 1550 году.

**) Онъ умеръ 4 декабря 1533 года.

руки. По смерти матери Ивана Грознаго, бояре-соперники стали еще смѣлѣе, еще алчнѣе и честолюбивѣе. Всѣ средства, всѣ способы считались пригодными для достиженія власти и пріобрѣтенія богатствъ. Подъ ихъ, если далеко не дружномъ, но за то общимъ, упорномъ и безпрерывномъ натискомъ, быстро опустѣла казна царская, стоналъ народъ подъ тяжестью непомѣрныхъ поборовъ и терпѣлъ, какъ выражались въ то время *«продажи и убытки великіе»*.

Чего только не наглядѣлся, чего не наслушался, чего только не испыталъ отъ начала сознательной жизни, то есть отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, когда уже является нѣкоторая самостоятельность, отрокъ Иванъ Васильевичъ!

Можно себѣ представить сколько лицемѣрія, алчности, наглаго заискиванія, даже притѣсненія, угнетенія себя самого въ возрастѣ семи, восьми лѣтъ испыталъ царственный отрокъ. Онъ былъ несомнѣнно очень даровитый и наблюдательный ребенокъ. Въ отношеніяхъ могущественныхъ бояръ между собою и въ особенности къ тѣмъ, кто былъ имъ подчиненъ, или ниже ихъ по общественному положенію, онъ несомнѣнно наблюдалъ постоянно много свирѣпости, алчности, тщеславія, непомѣрнаго честолюбія, мстительности и лицемѣрія. Всѣ эти пороки не могли не повліять на отрока такъ или иначе. Вліяніе окружающаго невольное, чисто механическое. Видя вокругъ себя наглое лицемѣріе, то заискиваніе, то хитро скрытое застращиваніе и даже нѣчто въ родѣ угрозы, онъ невольно и самъ заражался этими пороками и мало-по-малу становился жестокъ, мстителенъ и лицемѣренъ. Но всѣ эти недостатки не охватили его всецѣло, не слишкомъ глубоко внѣдрились и часто ярко вспыхивали въ немъ добрые порывы. Вѣроятно и въ ранней юности были въ числѣ людей ему близкихъ хорошіе люди, оказывавшіе на него благотворное вліяніе. Въ зрѣлые годы хорошо вліяло на него жена Анастасія, а въ юные годы Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ.

Весьма вѣроятно, что изъ его воспитателей, нѣкоторые подъ лицемѣрной личиною исполненія долга и исправленія дурныхъ наклонностей отрока, причиняли ему много досады, много непріятностей. Еще болѣе вѣроятно то, что большинство старалось развращать царственнаго юношу, надѣясь обезпечить себѣ этимъ возможность достигнуть корыстныхъ цѣлей въ будущемъ, когда онъ самостоятельно будетъ управлять государствомъ.

Во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнно то, что интриги,

самовластіе, самоуправство бояръ еще въ раннемъ дѣтствѣ вызвало глубокое нерасположеніе къ нимъ въ царственномъ отрокѣ. Съ годами это нерасположеніе развилось въ глубокую ненависть, даже въ затаенное стремленіе уничтожить, раздавить бояръ. Такое отношеніе къ нимъ, ясно доказывается созданной Иваномъ Грознымъ дружины опричниковъ, предъ которыми трепеталъ не столько народъ, сколько сами бояре.

Вотъ что о воспитаніи Іоанна IV говоритъ Соловьевъ: «Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка подавленіемъ дурныхъ; позволяли ему предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ: «въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ: оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ,—оскорбляли его какъ Государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли, какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ»...

Соловьевъ приходитъ къ тому заключенію, что это вызвало въ Іоаннѣ IV презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ, ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ. («Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» кн. 2, ст. 35).

Въ тотъ день, когда въ Москвѣ, на Лобномъ мѣстѣ, двадцатипятилѣтній Царь вышелъ къ народу, вотъ что онъ говоритъ о своемъ воспитаніи:

«Родители о мнѣ не брегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша и сами себѣ саны и чести исхитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго и во многіе користи и въ хищенія и въ обиду упражняхуся. Азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устнѣхъ своихъ обличенія юности ради моей и пустоты»...

Вдумываясь въ эти страстныя слова, становится яснымъ, что дѣйствительно дѣтство Іоанна IV было ужаснымъ; онъ самъ терпѣлъ обиду и униженіе и созывая Соборъ хотѣлъ искать въ народѣ опору, оправданіе своей ненависти и борьбы противъ притѣснявшихъ его бояръ и тѣмъ самымъ упрочить, укрѣпить свое самодержавіе, изъ мнимаго сдѣлавъ его дѣйствительнымъ. «*Родители меня не воспитали*» говоритъ царь. Изъ этихъ словъ также точно можно придти къ убѣжденію, что и родители, подавленные вліяніемъ лице-

мѣрныхъ и итригующихъ бояръ, не въ силахъ были надлежащимъ образомъ направить воспитаніе своихъ дѣтей, и что даже въ этомъ интимномъ семейномъ вопросѣ, бояре дѣлали, что хотѣли, даже вопреки волѣ царственныхъ родителей. Далѣе царь говоритъ: «*Я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ и не было обличенія во устахъ моихъ; они же властвовали*». Совершенно понятно, что слабому физически, нравственно и умственно отроку, хотя умному, развитому и наблюдательному, не по лѣтамъ, не по силамъ была борьба съ толпою самоуправныхъ, самоувѣренныхъ и прежде всего хитрыхъ и лицемѣрныхъ бояръ. Что могъ предпринять противъ нихъ двѣнадцати и даже четырнадцати-лѣтній мальчикъ? Въ случаѣ рѣзкаго протеста съ его стороны противъ ихъ наглаго самоуправства, между боярами нашлись бы такіе, что если не сами лично, то наемной рукою, ядомъ или ножемъ избавились бы отъ отважнаго мальчика, рѣшившагося на крутыя мѣры противъ нихъ. Нельзя не только требовать, но даже признавать способнымъ мальчика на то, что возможно зрѣлому мужчинѣ.

Наконецъ наступила минута, когда онъ счелъ возможнымъ высказаться явно и смѣло.

Все, что въ немъ накипѣло, все, что скопилось ненависти и озлобленія противъ до наглости зазнавшихся бояръ, гвоздемъ засѣло въ его мозгу и достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста царь Иванъ неуклонно и напряженно размышляетъ о томъ, къ какимъ прибѣгнуть способамъ и мѣрамъ, чтобы свергнуть съ себя ненавистное иго властныхъ и дерзкихъ бояръ, подъ личиною почтительныхъ совѣтчиковъ, стѣсняющихъ на каждомъ шагу его царскую волю.

Самъ-ли лично, по собственной иниціативѣ додумался царь Іоаннъ до мысли созванія Земскаго Собора, или между его близкими и друзьями были люди внушившіе ему эту мысль, рѣшить трудно. Несомнѣнно только то, что совершенно достаточно скопившейся въ немъ ненависти, озлобленія противъ самоуправныхъ бояръ, достаточно непреклоннаго рѣшенія сломить ихъ власть, обуздать ихъ разъ навсегда, чтобы не трудно было придумать способы и средства къ достиженію намѣченной царемъ цѣли.

Пожары, возмущенія черни, истощеніе казны, служили достаточной маскировкой главной причины, побудившей царя Ивана созвать Земскій Соборъ.

Эти соображенія приводятъ къ убѣжденію, что вѣрнѣе будетъ пред-

положеніе, что мысль о Всероссійскомъ Земскомъ Соборѣ, прежде всего пришла ему. Притомъ ничего особенно труднаго не было въ такомъ изобрѣтеніи. Это не представляло собою ничего новаго по существу, ничего сколько нибудь невиданнаго и неслыханнаго, такъ какъ молодому царю повидимому начитанному и хорошо учившемуся извѣстна была исторія какъ Новгородскаго вѣча, такъ и другихъ вѣчъ въ *старшихъ* городахъ земли русской. Что же такое по существу своему «*вѣче*» какъ не маленькій мѣстный Земскій Соборъ?

Нѣтъ надобности забираться такъ далеко, какъ призывъ Рюрика, Синеуса и Трувора, толковать о неурядицахъ, междоусобіяхъ, смутахъ и шатаніяхъ на Руси, указывая на это какъ на первоначальныя основанія и причины подготовленія сознаніе необходимости созыва Земскаго Собора со всѣхъ концовъ Руси.

Конечно все въ мірѣ слѣдуетъ одно за другимъ; всегда есть связь послѣдующаго съ предъидущимъ; въ мірѣ вещей, явленій и дѣяній, въ особенности жизни человѣческой есть всегда причинная связь; всегда послѣдующее въ извѣстной мѣрѣ зависитъ и обусловливается предъидущимъ, но ученые спеціалисты весьма часто впадаютъ въ крайность и въ разъясненіи причинной связи заходятъ слишкомъ далеко.

Необходимость созыва Земскаго Собора вполнѣ достаточно подготовлена, вызвана и объяснена, чрезмѣрнымъ самовластіемъ бояръ, притѣсненіями ими народа, а вслѣдствіи того пожарами и возмущеніями черни. Нѣтъ никакой надобности забираться въ глубь вѣковъ и объяснять созывъ Земскаго Собора, какъ дѣлаетъ это профессоръ Московскаго университета Бѣляевъ, объясняя шестисотлѣтней, считая до перваго Собора, неурядицей въ русской землѣ. Вотъ что говоритъ г. Бѣляевъ: «*причины сіи скоплялись 584 года, отъ самаго призванія Рюрика, перваго Варяго-Русскаго князя. Все это довольно продолжительное время Русская земля мало-помалу, такъ или иначе подготовлялась къ Земскому Собору...*» Это уже слишкомъ: съ этимъ невозможно согласиться. При чемъ тутъ можетъ быть призваніе Рюрика? Никакой связи не имѣетъ съ мыслью о созваніи Земскаго Собора призваніе Рюрика.

Тѣмъ не менѣе все же нужно придти къ заключенію, что ближайшимъ и даже непосредственнымъ основаніемъ къ мысли о созваніи Земскаго Собора и единственной причиной, вызвавшей скорое и рѣшительное осуществленіе этого великаго дѣла царя Ивана Грознаго, было возникшее въ немъ глубокое убѣжденіе, что самовластіе

и дерзость бояръ, достигла своего крайняго предѣла, что необходимо немедленно обуздать ихъ, смирить окончательно, насколько окажется возможнымъ, такъ какъ власть самодержца совершенно разшатана, подорвана, а народъ разоренъ и обиженъ. Съ восьмилѣтняго и до двадцатилѣтняго возраста т. е. двѣнадцать лѣтъ сряду, все что видѣлъ и слышалъ молодой царь, убѣдило его въ этомъ непоколебимо.

Не долго медля, онъ занялся обдумываніемъ своего плана, внимательно прислушиваясь къ тѣмъ изъ своихъ опытныхъ и близкихъ совѣтчиковъ, которые сочувственно относились къ его завѣтной мысли. Осилить бояръ, усмирить и даже пожалуй отмстить имъ за многія непріятныя воспоминанія дѣтства и раннихъ юношескихъ лѣтъ играли въ его твердой рѣшимости не малую роль. Каковы были эти тяжелыя воспоминанія вполнѣ выясняется слѣдующими словами царя, обращенными на Лобномъ мѣстѣ къ митрополиту Макарію: «*Хищники, лихоимцы и самосуды неправедные! Какой дадите теперь отвѣтъ за многія слезы вами причиненныя? Я же чистъ отъ сей крови, а вы ожидайте возмездія*». Но царь, какъ мы увидимъ дальше, при разсказѣ о томъ, какъ онъ держалъ рѣчь къ собраннымъ представителямъ русской земли, одумался, устыдился мести и сложилъ гнѣвъ на милость.

Къ сожалѣнію въ нашихъ архивахъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, имѣется крайне недостаточно документальныхъ данныхъ о томъ, какъ дѣйствовалъ первый Земскій Соборъ. Всѣ свѣдѣнія чрезвычайно отрывочны и несвязны и трудно изъ нихъ составить сколько нибудь полную, хотя бы въ общихъ, основныхъ чертахъ, картину порядка и дѣйствій этого собора. Все же нѣсколько выясняется то обстоятельство, что соборъ этотъ мало общаго имѣлъ съ старинными отошедшими тогда въ область воспоминаній вѣчами. Вѣрно то что по приказу царскому призваны были, свободнымъ выборомъ избранные, излюбленные мѣстнымъ населеніемъ люди всякаго общественнаго положенія, рода занятій и званія со всѣхъ городовъ Московскаго государства отъ центра его до отдаленныхъ окраинъ. Этотъ выборъ, это избраніе представляло уже собою существенный признакъ, отличавшій соборъ отъ старипнаго вѣча, въ которомъ участвовали не выборные люди, а всякій гражданинъ, каждый домохозяинъ, входившій въ составъ городскихъ общинъ.

Согласно описанію перваго Земскаго Собора, составленному Карамзинымъ, по имѣвшимся въ его распоряженіи стариннымъ актамъ,

царь Иванъ Васильевичъ подготовлялся къ бесѣдѣ съ Соборомъ, уединившись въ монастырь, гдѣ постился, молился и каялся во грѣхахъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Онъ созвалъ туда святителей, ища въ бесѣдахъ съ ними успокоенія своей совѣсти и укрѣпленія духа и наконецъ принялъ Св. Тайны. Въ это время окончательно собрались въ Москву всѣ выборные, съѣхавшіеся изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ. Тотчасъ послѣ того оглашено было всѣмъ имъ царское повелѣніе собраться въ ближайшее воскресеніе, раннимъ утромъ, на Лобномъ мѣстѣ у Кремля. Отслушавъ обѣдню, царь Иванъ Васильевичъ, окруженный духовенствомъ съ крестами и полномъ облаченіи, въ сопровожденіи бояръ и дружины ратныхъ людей, вышелъ къ собравшимся представителямъ русской земли, смиренно и въ глубокомъ молчаніи поджидавшимъ выхода царя. Окинувъ быстрымъ взоромъ, въ которомъ видна была торжественная рѣшимость, толпу выборныхъ, Иванъ Васильевичъ тотчасъ повелѣлъ духовенству служить молебенъ, по окончаніи котораго Царь, отличавшійся большимъ краснорѣчіемъ, обратясь къ митрополиту Макарію, очень выразительно произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Молю тя Св. Владыко да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ блага дѣла и любви желатель еси. Азъ Владыко и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многіе користи и въ хищенія и въ обиду упражняхуся. Азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый во устнѣхъ своихъ обличенія юности ради моея и пустоты. Они же властвоваху. О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще, что нынѣ намъ отвѣтъ даcте, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крови сей! Ожидайте воздаянія своего».

Вслѣдъ за тѣмъ царь, поклонившись на всѣ четыре стороны, обратился къ выборнымъ и къ народу и продолжалъ свою рѣчь:

«Люди Божія и намъ дарованіи Богомъ, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и раззореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моя, и пустоты, и безпомощества и неправдъ ради бояръ моихъ и властей и безсудства неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Молю васъ оставите другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго дѣля не вмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ елико

вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона и неправды раззоряти и хищенія возвращати *)».

По окончаніи этой рѣчи царь повернулся въ сторону бояръ и разныхъ властей, простилъ имъ всѣ ихъ вины, назначивъ имъ извѣстный срокъ **), въ теченіи котораго онѣ должны были помириться во всякаго рода дѣлахъ со всѣми людьми Московскаго Государства.

Это требованіе произвело громадное впечатлѣніе и результаты его замѣчательны, такъ какъ однимъ царскимъ словомъ распустывались всѣ узлы, покончивались навсегда различныя ссоры, дрязги и пререканія и всѣ непріятности предавались забвенію. Наконецъ этимъ царскимъ требованіямъ исправлялись всѣ недочеты и неправды по дѣламъ суда и управленія и прекращались разнаго рода волокиты.

Въ этомъ случаѣ царь не разбиралъ кто правъ, кто виноватъ, его ли намѣстники и волостители или жители областей, приносившіе жалобы на Московское управленіе и судъ.

Вслѣдъ за тѣмъ царь Иванъ снова обратился къ духовенству, прося Соборъ святителей дать ему благословеніе на исправленіе Судебника въ духѣ старинныхъ правилъ и обычаевъ дабы «судъ былъ праведенъ и всякія дѣла непоколебимы во вѣки». При этомъ царь объявилъ выборнымъ русской земли, чтобы по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ и погостамъ, а также въ частныхъ владѣніяхъ бояръ и другихъ землевладѣльцевъ, избраны были всѣмъ населеніемъ стараны, старосты и цѣловальники, сотскіе и дворскіе и заявилъ имъ, что онъ царь для всѣхъ областей составитъ уставныя грамоты, ради болѣе правильнаго суда и управленія, такъ чтобы области имѣли полную возможность пользоваться своими собственными, самостоятельными судомъ и управленіемъ, безъ вмѣшательства государевыхъ намѣстниковъ и волостителей.

Такимъ образомъ востанавливалось старинное самоуправленіе, которымъ искони пользовался народъ, но мало по малу перешедшее въ руки удѣльныхъ князей и ихъ намѣстниковъ.

Кажется только этимъ и ограничиваются дошедшія до насъ свѣдѣнія о первомъ Соборѣ; все остальное, что пишется объ этомъ Соборѣ относиться не къ фактической сторонѣ, словомъ не къ тому,

*) Какъ начало такъ и конецъ этой рѣчи списаны изъ актовъ Государственнаго Архива, Карамзинымъ въ Исторіи Государства Россійскаго, т. XIII стр. 106 и примѣч. 182 стр. 44—45.

**) Назначеніе срока подтверждается другими рѣчами Іоанна въ 1551 году.

что было сказано написано и сдѣлано первымъ Соборомъ, а представляетъ собою догадки, выводы, соображенія и заключенія авторовъ, писавшихъ о Земскихъ Соборахъ.

Достаточно обратить вниманіе на приведенныя выше краткіе, но яркія и сильныя рѣчи царя, обращенныя къ народу, чтобы придти къ убѣжденію, что цѣлью царя, созвавшаго Соборъ, было обузданіе своевольныхъ бояръ, желаніе избавить народъ отъ притѣсненій и поборовъ, не только самовластныхъ бояръ, но и его же царскихъ намѣстниковъ, волостителей и тіуновъ и дать народу судъ правый и нелицепріятный. Достиженіемъ такой цѣли само собою разумѣется укрѣплялось и упрочивалось Самодержавіе. При этомъ, созывая выборныхъ всей подвластной ему земли русской, царь хотѣлъ поставить дѣло такъ, какъ будто всѣ задуманныя имъ реформы общее желаніе всей русской земли, всего народа. Словомъ свои рѣшенія и свои дальнѣйшія дѣйствія, онъ хотѣлъ санкціонировать, навсегда закрѣпить и освятить выраженіемъ воли и желаніемъ всего народа, всѣхъ обывателей своего государства.

За тѣмъ, переходя къ весьма интересному вопросу о томъ какую же роль на первомъ Земскомъ Соборѣ играли всѣ эти выборные русской земли, мы, за скудостью свѣдѣній, можемъ придти къ весьма гадательнымъ выводамъ. Изъ приведеннаго выше описанія Земскаго Собора, составленнаго Карамзинымъ мы видимъ, что когда царь подошелъ къ выборнымъ, они встрѣтили его не только безъ всякихъ криковъ восторга и одобренія, но въ глубокомъ почтительномъ безмолвіи. Говорилъ, весьма краснорѣчиво и сильно только молодой царь; ни выборные, ни бояре, ни духовенство ни слова не промолвили въ отвѣтъ на царскія рѣчи.

Однако вдумываясь и вчитываясь въ царскую рѣчь, обращенную къ выборнымъ, представляется несомнѣннымъ, что это была жалоба царя народу на своеволіе, лихоимство и всякія неправды бояръ. Ясно изъ рѣчей царскихъ, что онъ предоставлялъ всему народу быть судьями между нимъ, обиженнымъ боярами, когда онъ былъ въ жалкомъ дѣтствѣ «а они» бояре «властвовали». Наконецъ обратившись къ представителямъ земли, царь молитъ ихъ «исправить неправды бояръ и властей», а также устранить навсегда «обиды и разоренія».

Хотя царь въ третей своей рѣчи, обращенной уже къ боярамъ, не грозитъ имъ какъ въ первой рѣчи, обращенной къ митрополиту Макарію: «а вы ожидайте воздаяніе», а совершенно неожиданно измѣняетъ грозный и укорительный тонъ первой рѣчи и от-

пускаетъ всѣ прежнія грѣхи бояръ, требуя взамѣнъ и отъ нихъ примиренія—тѣмъ не менѣе выборные могли быть увѣрены, что царь несомнѣнно желаетъ на нихъ опереться, дѣлая ихъ какъ-бы судьями бояръ и властей, давая имъ широкія полномочія и требуя отъ нихъ исправленія, уничтоженія «неправдъ и лихоимства».

Надо полагать, что представители русской земли поняли царскія рѣчи именно въ этомъ смыслѣ, сознавали свои права и обязанности, а слѣдовательно дѣлали дѣло, а не ограничились только безмолвіемъ, съ которымъ выслушали краснорѣчивыя слова царя.

Вотъ почему можно съ увѣренностью сказать, что они не безмолствовали а принимали дѣятельное участіе въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ, при которыхъ конечно царь отсутствовалъ, но, по всей вѣроятности, эти совѣщанія были направляемы и руководимы близкими къ царю и преданными ему людьми, хорошо знавшими намѣренія и желанія царя.

Доказательствомъ несомнѣнной и широкой дѣятельности выборныхъ во всѣхъ переустройствахъ управленія, суда и народнаго быта служитъ то, что всѣ измѣненія вполнѣ были земскими, вполнѣ отвѣчали потребностямъ и пожеланіямъ народа, такъ какъ московскіе намѣстники перестали уничтожать старинные порядки и нисколько не препятствовали мѣстному самоуправленію и центръ государства, т. е. Москва, перестала выжимать соки изъ населенія отдаленныхъ городовъ.

Наконецъ прямымъ результатомъ перваго Собора было появленіе въ 1550 году основательно, согласно царскимъ обѣщаніямъ и совѣтамъ выборныхъ, исправленнаго и дополненнаго Судебника, а также уставныхъ грамотъ мѣстнаго самоуправленія. Въ этомъ Судебникѣ самымъ важнымъ обезпеченіемъ справедливости является то, что правительственные намѣстники и волостители обязаны были судить при непосредственномъ участіи выборныхъ дворскихъ, старостъ и лучшихъ людей; при чемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде не было старостъ и цѣловальниковъ предписывалось ихъ избрать обязательно.

Судебникомъ положенъ былъ значительныя предѣлъ произволу и насиліямъ царскихъ намѣстниковъ. Тамъ сказано такъ: «А кого намѣстничьи и волостелины люди къ себѣ сведутъ и скуютъ неявя; то старостамъ и городовому прикащику и цѣловальникамъ у намѣстничьихъ и волостелиныхъ людей тѣхъ людей вынимать. И кого вынмутъ скованнаго, а неявленнаго, то на намѣстничьемъ и волостелиномъ человѣкѣ взять того скованнаго человѣка безчестье, смо-

тря по человѣку; а чего тотъ на намѣстничьѣ и волостелинѣ человѣкѣ взыщеть и тотъ искъ взять на немъ (волостелинѣ человѣкѣ) вдвое».

Словомъ, свобода и неприкосновенность личности пожалуй болѣе обезпечивалась закономъ нежели въ наше время. Въ подтвержденіе этого мнѣнія укажемъ еще на то, что *въ Судебникѣ строго воспрещалось намѣстникамъ, волостелинамъ и царскимъ тіунамъ по уголовнымъ дѣламъ кого-либо казнить или освободить безъ доклада самому государю.*

Также точно и въ податной разкладкѣ, какъ тогда ихъ называли: «розметныя книги», устранялся произволъ тѣмъ порядкомъ, что эти книги ежегодно присылались на ревизію въ Москву.

Въ окружной уставной грамотѣ о мѣстномъ самоуправленіи общинъ, царь Иванъ Васильевичъ говоритъ: «Напередъ сего мы жаловали бояръ своихъ князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленья и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостители и праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей, и отъ праветчиковъ и ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и поруки не даются и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ; и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія, да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли и наши дани и оброки сходятся несполна. И мы, жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ намѣстниковъ и волостителей и праветчиковъ отъ городовъ и волостелей отставили, а за намѣстничьи и волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлины велѣли мы посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчить деньгами, для того чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было и намъ бы отъ нихъ на намѣстниковъ и на волостелей и на праветчиковъ и отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ праветчиковъ на посадскихъ и на волостныхъ людей челобитья и докуки не было и посады и волости отъ того не пустѣли. А велѣли мы во всѣхъ городахъ и въ станахъ и въ волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить и намѣстничьи и волостелины и праветчиковы доходы собирать и къ намъ на срокъ привозить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ

всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы ихъ умѣли въ правду безпосульно и безволокитно и за намѣстничъ доходъ оброкъ сбирать умѣли и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ не добору». (Ак. Ар. Эк. Т. I, № 243).

Первый Земскій Соборъ несомнѣнно имѣлъ громадное значеніе для всей русской земли. Исчезла прежняя рознь, явилось сознаніе единства, на Москву пересталъ смотрѣть Новгородецъ, Псковитянинъ Рязанецъ и другія жители городовъ, какъ на поработителя, угнетателя, ловко захватившаго власть надъ всѣми другими.

Всѣ обыватели земли въ лицѣ созванныхъ царемъ представителей, совершенно примирились съ своимъ положеніемъ, стали признавать Москвича старшимъ братомъ, а Москву общей матерью всей Руси, уничтожившей ради общаго блага ту рознь и вѣчныя пререканія, которые до того терзали русскую землю и способствовали врагамъ къ ея одолѣнію.

Въ свою очередь государь чувствовалъ себя прочнѣе и самодержавнѣе волею и благословеніемъ, общимъ согласіемъ всѣхъ людей земли русской. Они всѣ какъ одинъ человѣкъ закрѣпили и окончательно утвердили за нимъ верховную власть, не ограниченную какъ прежде вліяніемъ боярской думы и боярской ратной дружины, а самодержавную.

Однако къ такому, по существу совершенно вѣрному и отвѣчающему вполнѣ дѣйствительности сознанію, какъ царь, такъ и всѣ его подданные, отъ высоко до низко поставленнаго, пришли не въ моментъ созванія Земскаго Собора, а вскорѣ послѣ этого, при томъ постепенно, мало-по-малу, убѣждаясь въ принесенной имъ пользѣ.

Смѣло можно утверждать, что моментъ созванія Земскаго Собора былъ горячимъ порывомъ царскаго стремленія, порывомъ человѣка очень молодаго, горячаго, вспыльчиваго, страстнаго, необузданнаго, властолюбиваго, въ воображеніи котораго постоянно носились всѣ обиды и ужасы, испытанные имъ въ дѣтствѣ. Достигнувъ двадцати лѣтъ онъ страстно, неудержимо пожелалъ во чтобы то ни стало свергнуть съ себя иго самовластія бояръ; ему несказанно надоѣла вѣчная опека боярской думы и боярской дружины.

Какое же это было самодержавіе, какая же это была власть монарха? Могъ-ли къ этому спокойно относиться юноша въ высшей степени властолюбивый и необузданный и уже порядкомъ развращенный сонмомъ приближенныхъ?

Когда цѣли своей царь достигъ, въ немъ все улеглось, успокоилось, не только чрезъ нѣсколько дней послѣ Собора, но даже въ самый день его рѣчей къ духовенству, къ представителямъ и къ боярамъ. Едва успѣвъ заявить всенародно, что бояре нерадѣли о его воспитаніи, что дѣтство его было жалкое, что онъ былъ глухъ и нѣмъ къ народнымъ бѣдствіямъ и затѣмъ назвавъ бояръ хищниками, лихоимцами, самосудами, пригрозивъ имъ возмездіемъ за пролитую кровь, онъ вдругъ весь измѣняется! Въ немъ мгновенно совершается внутренній переворотъ. Отъ гнѣвной укоризны, отъ угрозы возмездія за пролитую боярами кровь, въ которой онъ «чистъ», царь неожиданно дѣлается милостивымъ и великодушнымъ и все прощаетъ боярамъ.

Я этимъ хочу доказать, что въ тотъ моментъ, когда явилась мысль о созваніи Земскаго Собора, это было только порывомъ, страстнымъ желаніемъ осилить, сломить, обуздать и отомстить врагу и больше ничего. Такъ безъ всякаго сомнѣнія это было понято и объяснено боярами, дружиною и всѣмъ народомъ.

Только тогда, когда собрались выборные, только тогда, когда нѣсколько дней уединенія, поста и молитвы, а главное спокойныхъ бесѣдъ съ святителями, совершенно успокоили и умиротворили царя; наконецъ тогда, когда на Лобномъ мѣстѣ пришлось ему въ высокоторжественной обстановкѣ высказаться окончательно,—тогда совершился переломъ: исчезли гнѣвныя и мстительныя чувства и замѣнились всепрощеніемъ и исключительными помыслами о благѣ народномъ.

Послѣ этого возникла увѣренность о созданіи единенія, сближенія всѣхъ подданныхъ и укрѣпленія, упроченія самодержавія народной помощью и совѣтомъ. Народъ съ того момента сталъ прочной опорой, на которой незыблемо твердо могъ стоять русскій царь.

Это отлично сознталъ Иванъ Васильевичъ и заговорилъ другимъ языкомъ, обращаясь къ боярамъ: «Земля правится Божьимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы и еже ипаты и стратиги... А жаловати есьмя своихъ холопей вольны, и казнити вольны же есьмя».

Въ этихъ словахъ помимо увѣренности въ прочности своей власти и устрашенія *«своихъ холопей»* уже чуются проснувшіеся инстинкты кровожадности и жестокости.

Но у Ивана Васильевича все быстро смѣнялось: онъ легко переходилъ отъ гнѣва къ милости, отъ жестокости къ состраданію. Если бы на него всегда вліяли только Сильвестры, Адашевы и добрыя, любящія родину женщины, это былъ бы безупречный человѣкъ и примѣрный Государь. Къ сожалѣнію дурное взяло перевѣсъ надъ хорошимъ, но это не касается нашей задачи.

Отпустивъ по домамъ выборныхъ, царь сознавалъ, что въ случаѣ надобности, онъ можетъ съ увѣренностью въ полномъ успѣхѣ, снова обратиться къ испытанному средству, узнать волю и стремленія, поглощающаго большинства всего населенія русской земли.

Прошло со времени созванія перваго Земскаго Собора почти восемнадцать лѣтъ и, за весь этотъ долгій періодъ времени, не представилось настолько важныхъ затрудненій и осложненій, чтобы царь нашелъ необходимымъ снова посовѣщаться съ своими подданными.

А между тѣмъ, дѣла далеко не были въ блестящемъ положеніи. Вопреки совѣтамъ бояръ, царь Иванъ Васильевичъ въ 1558 году вступилъ въ борьбу съ Ливоніей, въ которой довольно рѣдко успѣхъ былъ на его сторонѣ. Длилась она довольно долго и быть можетъ окончилась бы успѣшно для русскаго оружія, если бы Ливонскіе нѣмцы, отчаявась въ своемъ спасеніи изъ рукъ русскаго царя, не рѣшились прибѣгнуть къ помощи Литовскаго князя Сигизмунда Августа, обѣщая ему признать надъ собою его верховную власть. Въ довершеніе всего нѣмцамъ Ливоніи помогала Польша. Весьма естественно, что борьба съ тремя довольно сильными врагами превышала силы и средства русскаго царя. При такихъ обстоятельствахъ пришлось воевать русскому царю почти восемь лѣтъ. Недовольный боярами, огорченный и обезпокоенный громадной утратой воиновъ и денегъ, царь началъ подумывать о новомъ обращеніи къ народу и въ 1566 г. созвалъ Земскій Соборъ.

Это былъ второй Земскій Соборъ. Съ нимъ мы нѣсколько болѣе знакомы, чѣмъ съ первымъ, такъ какъ сохранилась соборная приговорная грамата, однако все же свѣдѣнія наши о немъ далеко недостаточны, такъ какъ мы ничего не знаемъ о порядкѣ и формѣ, въ которыхъ образовался этотъ Соборъ. Намъ неизвѣстно въ какомъ порядкѣ, какъ и при какихъ условіяхъ избирались представители и какія полномочія, въ какой мѣрѣ и формѣ получали они отъ своихъ избирателей. Самое существенное отличіе перваго Собора отъ втораго заключалось въ томъ, что царь пребывалъ довольно долго въ уединеніе, въ постѣ и молитвѣ и бесѣдѣ съ святителями;

готовился къ Собору. Затѣмъ еще важнѣе то, что онъ вышелъ къ собравшимся представителямъ и продержавъ рѣчь къ духовенству, говорилъ съ представителями, а затѣмъ съ боярами. На второмъ же Соборѣ, все произошло совершенно иначе. Не только государь, но даже никто изъ членовъ его семейства не появился и не говорилъ съ выборными. Такой порядокъ сохранился и для всѣхъ последующихъ соборовъ; пожалуй это было даже лучше, такъ какъ большинство выборныхъ могло безъ стѣсненія, свободно высказывать свои мнѣнія и соображенія.

Въ составъ этого Собора входило 376 выборныхъ всего населенія русскаго государства. Въ первомъ ряду выступало высшее духовенство; затѣмъ бояре, за ними окольничьи и государевы дьяки, потомъ дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскіе второй статьи, торопецкіе и луцкіе помѣщики и дьяки по приказамъ, гости, купцы и смольняне, участіе которыхъ естественно объясняется сосѣдствомъ съ театромъ военныхъ дѣйствій.

Какъ видно изъ приговорной грамоты, царь лично говорилъ только съ высшимъ духовенствомъ, выяснивъ общее положеніе дѣла и сообщивъ о томъ, что онъ ведетъ переговоры о мирѣ съ польскимъ королемъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Что касается другихъ представителей, входившихъ въ составъ Собора, по приказу царя имъ вручена была выпись съ переговоровъ боярскихъ съ Литовскими послами. Духовенство высказалось въ томъ смыслѣ, что не подобаетъ государю отказаться отъ владычества литовскими городами, защищаемыми королемъ Сигизмундомъ; что касается средствъ и способовъ отстоять эти города они заявили «что самъ Богъ въ этомъ дѣлѣ вразумитъ государя». Бояре, окольничьи государевы выразили свое мнѣніе нѣсколько уклончиво, заявивъ, что «войну продолжать слѣдовало бы, а Литовскимъ посламъ въ Съѣздѣ отказать, но буде король захочетъ лично съ государемъ съѣхаться и сговориться, то можно въ тѣхъ дѣлахъ промежь себя договоръ учинить; и въ томъ государи вольны для покою христіанскаго.... а намъ всѣмъ за государя головы свои класти, видя королеву высость». При этомъ печатникъ Иванъ Михайловичъ Висковатый подалъ особое мнѣніе, совѣтуя «начать переговоры съ литовскими послами только въ томъ случаѣ, если литовскіе люди выйдутъ изъ занятыхъ ими Ливонскихъ городовъ и не будутъ въ нихъ вступаться». Дворяне первой статьи отвѣчали: «намъ кажется, въ которые города вступился король въ обереганіе и государю нашему тѣхъ городовъ не поступаться и на-

шему государю пригоже за то за все стояти; а наша должна за него государя и за его государеву правду служити ему государю своему до своей смерти». Третья группа, т. е. дворяне и дѣти боярскіе заявили; «намъ кажется, что государю должно стоять за тѣ городы, а мы холопи его на его государево дѣло готовы». То же самое высказали луцкіе и торопецкіе помѣщики. Дьяки заявили слѣдующее: «а въ Ливонскихъ городахъ вѣдаетъ Богъ да государь нашъ, чего для ихъ государства отступатися; а мы холопи, къ которымъ государскимъ дѣламъ пригодимся, головами своими готовы». Наконецъ послѣдняя группа, т. е. гости, купцы и смольняне заявили: «Государя нашего царя и великаго князя передъ братомъ его, передъ королемъ правда великая. И государю нашему велѣти дѣлать съ королемъ такъ, какъ ему государю годно. А мы молимъ Бога о томъ, чтобы государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да государь, не стоимъ токмо за свои животы, и мы и головы свои кладемъ за государя вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока».

Оканчивается приговорная грамота слѣдующимъ общимъ заключеніемъ отъ имени всѣхъ вмѣстѣ соединенныхъ группъ: «Всѣмъ намъ государю своему, царю и великому князю и его дѣтямъ служити правдою, и добра хотѣти государю и его дѣтямъ и ихъ землямъ безо всякія хитрости и противъ его недруговъ стояти по государскому приказу, кто во что пригодится, и до своего живота по сему крестному цѣлованію». (Собр. гос. гр. и дог., т. 1, № 192).

Такимъ образомъ все, что единодушно было высказано всѣми группами, входившими въ составъ втораго Земскаго Собора, вполнѣ удовлетворило царя Іоанна Васильевича, такъ какъ доказало ему, что весь народъ поголовно противъ мнѣнія бояръ о необходимости прекратить Ливоно-Литовскую войну и всѣ готовы жертвовать своей жизнью и имуществомъ на дѣло государево.

Есть еще отличительная черта втораго Собора отъ перваго. Утвержденіе приговорной грамоты перваго Собора не сопровождалось какими либо формальностями, тогда какъ при утвержденіи приговорной грамоты втораго Собора, соблюдалась слѣдующая формальность: каждая группа имѣла свою особую форму. Такъ напримѣръ, духовенство ограничилось приложеніямъ къ грамотѣ своихъ рукъ, а архіереи печати; бояре же должны были утвердить свои рѣчи и грамоту не только приложеніемъ своихъ рукъ, но еще цѣлованіемъ креста; всѣ же остальные группы утверждали свои рѣчи и приговорную грамоту

однимъ только цѣлованіемъ креста, но рукъ своихъ къ нимъ не прикладывали.

Послѣ этого втораго Собора, царь Іоаннъ IV до самой смерти, послѣдовавшей 18 марта 1584 года, никакого Земскаго Собора не созывалъ болѣе, но допустилъ созваніе трехъ духовныхъ Соборовъ. Такъ напримѣръ, тотчасъ послѣ втораго Земскаго Собора былъ духовный соборъ, по поводу избранія въ митрополиты игумена Соловецкаго монастыря Филиппа, соглашавшаго принять этотъ санъ только въ томъ случаѣ, если Іоаннъ IV уничтожитъ опричину. Такое рѣшеніе Филиппа, кончилось для него очень печально, такъ какъ царь не простилъ ему такой смѣлости, допустивъ вскорѣ изгнаніе Филиппа. Его оскорбляли, бояре наступили ему на мантію и почти силою вытолкали изъ царскихъ палатъ. Грозный былъ очень мстителенъ и Филиппу дорого обошлось его мужество и твердость духа. Второй Духовный Соборъ въ 1580 году постановилъ: «впредь никому въ монастырѣ вотчинъ не отбирать и не выкупать, а впредь никому въ монастыри по душѣ не давать и монастырямъ земель не покупать и закладной не держать; а вотчины издревле доставшіяся монастырямъ предоставить въ волю государя». Третій Духовный Соборъ состоялся въ годъ смерти, царя Іоанна IV и на немъ опредѣлено отмѣнить всѣ тарханы, т. е. освобожденія отъ суда и податей, коими пользовались монастырскія вотчины и чтобы съ монастырскихъ вотчинъ платить подати, какъ и съ прочихъ земель.

II.

Царь Өедоръ Ивановичъ.—Борисъ Годуновъ.—Лже-Дмитрій.—Василій Шуйскій.

Өедоръ Ивановичъ родился 11 мая 1557 года и взошелъ на престолъ въ день смерти своего отца, т. е. 18 марта 1584 года. Слѣдовательно онъ взошелъ на престолъ двадцати семи лѣтъ. Но не смотря на то, что это возрастъ полной возмужалости, онъ по слабости здоровья и характера, точно ребенокъ, никогда не выходилъ изъ-подъ полнаго вліянія бояръ и даже прямо можно сказать, изъ-подъ ихъ опеки. Въ особенности сильно было вліяніе на него боярина Бориса Годунова.

Во все время его царствованія продолжавшагося четырнадцать лѣтъ, такъ какъ онъ умеръ 7 января 1598 года, ни однаго Земскаго Собора не созывалось, хотя не разъ чувствовалось въ этомъ надобность. Но царь былъ слишкомъ безсиленъ волей и энергіей, а боярамъ совершенно не могло нравиться и приходиться на руку выраженіе воли народной. Пользуясь крайней слабостью царя, каждый ловко обдѣлывалъ свои дѣла, интригуя другъ противъ друга и стараясь оттѣснить соперника.

Но, какъ только умеръ Ѳедоръ Ивановичъ, немедленно былъ созванъ Земскій Соборъ, третій по счету. Настоятельность его была вполнѣ понятна каждому, такъ какъ предстояла надобность, въ виду бездѣтности царя Ѳедора Ивановича избрать царя для всей Россіи. Соборъ былъ дѣйствительно созванъ и хотя называли его земскимъ, а въ сущности это былъ Соборъ людей, преданныхъ Борису Годунову, по крайней мѣрѣ значительнѣйшее большинство. Годуновъ дѣйствовалъ быстро и энергично и все пустилъ въ ходъ для достиженія своей цѣли, т. е.: возсѣсть на престолъ Московскихъ царей. И подкупъ и ласки, обѣщанія и угрозы все пригодилось, ничѣмъ не пренебрегали. Больше всего Годуновъ разсчитывалъ на служилыхъ людей и для собранія и подготовки ихъ разослалъ своихъ преданныхъ слугъ по всѣмъ городамъ Россіи. Изъ дошедшей до насъ утвердительной грамоты объ избраніи Бориса Ѳедоровича Годунова на царство видно, что въ составъ этого собора входили бояре и окольничьи царскаго двора, высшее духовенство съ патріархомъ, онъ же былъ предсѣдателемъ Земскаго Собора, думные дворяне, дьяки, стольники и дьяки по приказамъ; кромѣ того въ составъ Собора входили служилые люди воинскаго чина, дворяне московскіе, жильцы, стряпчіе, выборные дворяне городовые, стрѣлецкіе головы, бараши и дворцовые ключники; но самымъ главнымъ, сильнымъ по числу контингентомъ, были служилые люди. Борисъ Годуновъ чрезъ посредство своихъ агентовъ располагалъ ихъ голосами вполнѣ; а эти служилые люди представляли собою гораздо болѣе двухъ третей тѣхъ пятисотъ человѣкъ или около того, которые входили въ составъ Земскаго Собора. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ, т. е. при полной зависимости отъ Бориса Годунова болѣе ²/₃ Собора, этотъ соборъ отнюдь не могъ имѣть характера Земскаго Собора, а можетъ быть названъ «Годуновскій Соборъ», такъ какъ состоялъ почти исключительно изъ приверженцевъ и сторонниковъ Годунова. До какой степени было незначительно число иногороднихъ, видно изъ того,

что отъ Новгорода было только два человѣка, а отъ Ржева всего одинъ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію что, избраніе Бориса Годунова на царство отнюдь не совершилось съ согласія и по выбору земскихъ людей всей Россіи, а исключительно ловко подобранной партіи людей, съ большимъ искусствомъ подготовленной честолюбивымъ искателемъ престола Московскихъ царей. Хотя вся земля русская молчала, не протестовала, но отсутствіе общаго сочувствія подтасованному избранію чувствовалось отчетливо и вполнѣ доказано той изумительной легкостью, съ которой Лже-Дмитрій забрался на Московскій престолъ.

Что Соборъ былъ принудительный, что тогда всѣхъ русскихъ людей не было, а только происки Бориса Годунова, съумѣвшаго привлечь на свою сторону духовенство и подкупить тѣмъ или другимъ способомъ служилыхъ людей, до нѣкоторой степени доказывается редакціей утвердительной грамоты этого Собора. Прежде всего укажемъ на то, что соборъ былъ созванъ патріархомъ Іовомъ, какъ извѣстно очень преданнымъ Борису Годунову, котораго однако никто не уполномачивалъ принимать на себя иниціативу, а между тѣмъ изъ грамоты оказывается, что все, по отношенію къ созыву, было сдѣлано имъ однимъ исключительно. Въ грамотѣ сказано объ Іовѣ: «и посла по митрополитовъ, по архіепископовъ и епископовъ и по архимандритовъ и по игуменовъ, и по бояръ и по воеводъ и по дворянъ и по приказныхъ, и по служилыхъ и по всякихъ людей». Даже самое засѣданіе этого Годуновскаго Земскаго Собора происходило въ палатахъ патріарха Іова, словомъ имѣло характеръ частный, келейный. Смѣшно было бы допускать, что при такихъ условіяхъ могъ слышаться голосъ всего русскаго народа; тамъ вызсказывались только положенія и мнѣнія сторонниковъ честолюбца, прочно захватившаго, еще при жизни царя Ѳедора, всю власть въ свои руки.

Трудно представить себѣ что-либо безцеремоннѣе и болѣе самоувѣренное, какъ грубый пріемъ, употребленный патріархомъ Іовомъ къ устраненію всякихъ колебаній въ сонмѣ избирателей. Онъ прямо началъ рѣчь съ того, будто всѣ чины и всѣ жители Московскіе слезно умоляли Годунова не отказываться отъ предложеннаго ему престола Московскихъ царей. Вмѣсто того, чтобы дать высказаться сначала представителямъ, онъ безцеремонно предрѣшилъ вопросъ объ избраніи, сказавъ, что по его патріарха личному убѣжденію и по общему убѣжденію всѣхъ Москвичей «*не слѣдуетъ искать инаго царя, какъ Бориса Ѳедоровича Годунова*». Такія слова, ска-

занныя самоувѣреннымъ, не допускающимъ возраженіе тономъ, притомъ обращенныя къ людямъ, изъ которыхъ большинство было преданными слугами Годунова, а остальные запуганными и нерѣшительными, боявшимися мести Годунова и его сторонниковъ,— были равны приказанію. Послышалось единодушное заявленіе, что вся Русь не желаетъ инаго царя, какъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ и порѣшено было тотчасъ отправиться къ нему и соборне умолять о принятіи царскаго вѣнца и скипетра.

Нельзя не обратить вниманіе на то, какъ ловко и дипломатически поступилъ преданный адвокатъ Годунова, патріархъ Іовъ, послѣ своей рѣчи къ выборнымъ. Онъ не допустилъ немедленнаго отправленія всего сонма выборныхъ въ палаты Годунова, а потребовалъ предварительно, чтобы всѣ они утвердили свое рѣшеніе крестнымъ цѣлованіемъ. Однако патріархъ и этимъ не ограничился, а потребовалъ, чтобы всѣ выборные крестнымъ же цѣлованіемъ утвердили приговоръ о томъ, что будутъ преслѣдоваться какъ измѣнники и преданы не только проклятію, но и градскому суду, всѣ тѣ «кто бы похотѣлъ на царство кого другого кромѣ Бориса Өедоровича Годунова и его дѣтей и сталъ мыслить на нихъ какое лихо».

Торжественно и умилительно была розыграна комедія Соборной мольбы и понятно Годуновъ ломался очень недолго. Но хитрому и угодливому Іову всего этого показалось мало. Онъ тотчасъ собралъ духовный Соборъ и подъ его давленіемъ, конечно безпрекословно, духовенство постановило ежегодно совершать крестный ходъ въ день принятія Борисомъ Өедоровичемъ Годуновымъ вѣнца царей Московскихъ.

Грамота избранія, всѣми подписанная и прочтенная Собору, составлена была въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ положенъ былъ на храненіе въ царскомъ хранилищѣ грамотъ, а другой въ патріаршей ризницѣ.

Такимъ образомъ, очевидно, что третій Земскій Соборъ на Руси былъ исключительно дѣломъ патріарха Іова и агентовъ Бориса Годунова; ясно, что всѣ выборные были сторонники Годунова, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что все населеніе въ особенности въ верхнихъ его слояхъ прониклось убѣжденіемъ, что никакой актъ особой государственной важности не можетъ обойтись безъ формальнаго выраженія общаго сочувствія и воли народной.

Хотя комедія избранія розыграна была Годуновымъ съ изумительнымъ успѣхомъ, однако надо полагать, что вскорѣ послѣ этого

народъ опомнился и созналъ, что былъ одураченъ и положеніе стало настолько опасно, что Годуновъ не рѣшался уже снова обращаться къ созыву Земскаго Собора не смотря на то, что надобность въ его созывѣ представлялась весьма настоятельная. Несомнѣнно, что онъ боялся созывать Соборъ, такъ какъ взрывъ народнаго негодованія могъ быть для него пагубнымъ. Но эта осторожность все-таки не спасла его и все, съ такимъ искусствомъ и энергіей возведенное имъ зданіе, рухнуло отъ перваго натиска далеко не сильнаго войска, руководимаго не какими-либо даровитыми предводителями, а просто отъ натиска всякаго сброда, вольницы, ничтожной толпы, предводимой проходимцами, посадившими на Московскій престолъ полу-поляка, полу-русскаго, назвавшагося или названнаго Дмитріемъ.

Хотя большинство историковъ обходитъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, былъ ли созванъ Земскій Соборъ при Лже-Дмитріѣ, но они вполнѣ неправы, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ это очень блистательно доказано Латкинымъ, что этотъ Соборъ дѣйствительно былъ созванъ Лже-Дмитріемъ *). На этомъ Соборѣ самозванный царь очень краснорѣчиво доказалъ, что Василій Шуйскій, — распространявшій въ народѣ о самозванствѣ царя и желаніи его уничтожить православіе и ввести католичество,—клеветалъ и лгалъ. Лже-Дмитрій добился осужденія Земскимъ Соборомъ Василія Шуйскаго и состоялся приговоръ о смертной казни.

Послѣ гибели Лже-Дмитрія, положеніе всѣхъ русскихъ городовъ и вообще всей земли было конечно ужасное. Интриги, разбои, грабежи, поляки, казаки, самозванцы, общая смута, шатаніе и неурядица. Земскій Соборъ конечно могъ быть радикальнымъ средствомъ для устраненія народнаго бѣдствія и возстановленія спокойнаго теченія Государственной жизни, но это конечно не могло быть на руку Василію Шуйскому, устроившему возстаніе противъ Самозванца съ цѣлью очистить себѣ путь къ Московскому престолу. Соборъ могъ не избрать его, а потому онъ предпочелъ устроить дѣло келейно, быстро усѣвшись на свободномъ престолѣ при помощи хотя небольшой, но смѣлой, все дерзавшей кучки сторонниковъ. Да и дѣйствительно, онъ вынужденъ былъ дѣйствовать очень быстро и рѣшительно и не зѣвать, потому что со всѣхъ сторонъ громко раздавались рѣчи о необходимости созванія Собора. Четыре года пра-

*) Созваніе этого Собора Лже-Дмитріемъ подтверждается лѣтописью о мятежахъ, а также Никоновской лѣтописью.

вилъ Шуйскій, не допуская созванія Земскаго Собора, хотя никогда еще неурядица въ Россіи не была такъ постоянна и сильна какъ при немъ. Тотчасъ послѣ сверженія его съ престола и выдачи полякамъ въ качествѣ плѣнника, по инициативѣ патріарха Гермогена, вся боярская дума единодушно провозглашала необходимость созванія Земскаго Собора.

Однако ничего изъ этого не вышло и соборъ не былъ созванъ. Хотя, по мнѣнію всѣхъ историковъ, этому помѣшали неурядицы, смуты и главнымъ образомъ овладѣніе поляками Москвою, но намъ кажется, что созваніе Земскаго Собора въ такой моментъ, когда онъ въ высшей степени былъ необходимымъ, больше всего помѣшали не поляки, не смуты и неурядицы, а интриги, несогласія, домогательство власти, ссоры между собою бояръ и наконецъ ихъ алчность и корыстолюбіе.

Такъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Раздираемая смутами, ограбленная поляками, казаками и всякаго рода полуразбойническими шайками, гибла и стонала русская земля.

III.

Высокій подъемъ народнаго духа.—Царь Михаилъ Θедоровичъ Романовъ-Юрьевъ.

Наконецъ наступилъ свѣтлый день возрожденія. Появились Пожарскій и Мининъ. Опомнились, очнулись бояре. На время рѣшившись забыть свои распри и ссоры и отдѣлаться отъ поляковъ, бояре и весь народъ воспрянули духомъ и дружно взялись за дѣло.

Поляковъ и разбойничьи дружины изгнали изъ Москвы и тотчасъ же порѣшили созвать Земскій Соборъ для избранія царя и успокоенія Государства Московскаго.

Всюду по всей русской землѣ разсѣялись гонцы, уполномоченные боярской Думой и всѣми градскими властями Москвы распространить въ народѣ составленныя ими грамоты, въ которыхъ объявлялось: «Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божьи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя въ нихъ славится по прежнему; но безъ государя Московскому Государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять не-

кому: безъ государь вдосталь Московское государство разорятъ все; безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводы на многія части раздѣляется и воровство многое множится; и потому бы всѣ власти духовныя были къ Москвѣ и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву, и чтобы власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры».

Великій почпнъ сдѣланъ былъ такими людьми какъ Пожарскій и Мининъ.

Боярская дума дѣйствовала совершенно согласно и совмѣстно съ разными начальниками дружинъ, съѣхавшимися со всѣхъ сторонъ Россіи въ Москву на борьбу съ поляками и крамольниками и на освобожденіе Руси отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Дружины эти совершенно самостоятельно собраны были городами и находились на ихъ полномъ иждивеніи, ими же снаряженныя и вооруженныя. Начальникамъ такихъ дружинъ поручено было соблюдать волю народную и участвовать въ общемъ совѣщаніи представителей всей земли русской. Въ Москву съѣхались выборные со всѣхъ концовъ государства, за исключеніемъ Сибири и понятно тѣхъ мѣстностей, которыя находились еще въ рукахъ поляковъ и мятежныхъ шаекъ. Всѣ эти, излюбленные городами, общинами и волостями люди, были снабжены наказами, опредѣлявшими ихъ обязанности и полномочья. Въ первомъ же совѣщаніи единодушно было постановлено не избирать царя среди чужестранныхъ государей, а только «изъ своихъ знатныхъ и честныхъ родовъ». Вслѣдъ за тѣмъ собирались еще разъ и порѣшили выбрать царемъ Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьева, по матери Анастасіи Романовнѣ, приходившагося племянникомъ покойному царю Ѳедору Ивановичу. Рѣшеніе это принято было 7 февраля 1613 года, но еще не окончательно, такъ какъ не всѣ выборные собрались; за нѣкоторыми снова пришлось послать гонцовъ; кромѣ того поджидали многихъ бояръ, бывшихъ въ отлучкѣ по государственнымъ дѣламъ.

Къ 21 февраля всѣ уже оказались въ сборѣ и въ этотъ день назначено было окончательное избраніе. Въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кремлѣ собралось духовенство, бояре, окольничьи и другіе приказные люди, всѣ выборные и толпы на-

рода. Послѣ молитвъ и торжественнаго богослуженія, окончательно избранъ былъ царемъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ-Юрьевъ. Тутъ же въ церкви всѣ выборные принесли присягу, по записи поклявшись помимо царя Михаила, никого на царство не призывать. Немедленно, всѣмъ соборомъ избраны были послы и отправлены въ Кострому бить челомъ избранному Царю и просить его, принявъ избраніе, пожаловать въ Москву.

Только въ половинѣ апрѣля 1613 года посольство извѣстило Земскій Соборъ о томъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ удостоилъ ихъ согласіемъ возложить на себя вѣнецъ Московскихъ царей. Немедленно состоялось новое засѣданіе, имѣвшее мѣсто 14 апрѣля и порѣшено было составить утвержденную грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Эта грамота, тотчасъ по написаніи, была въ присутствіи всѣхъ выборныхъ прочтена, а затѣмъ митрополиты, архіепископы и епископы приложили къ грамотѣ руки и прикрѣпили свои печати, всѣ же прочіе, участвовавшія въ Земскомъ Соборѣ, приложили руки. Эту грамоту опредѣлено было вложить въ царское хранилище грамотъ.

«А подписана грамота осмью архіереями, двадцатью четырьмя архимандритами и игуменами, семьнадцатью боярами, и послѣ бояръ окольничими, кравчимъ, стряпчими, чашниками, думнымъ дьякомъ и стольниками, всего шестьюдесятью человѣками, шестьюдесятью дворянами московскими и сто восемью выборными людьми отъ сорока восьми городовъ, приславшихъ на Соборъ своихъ представителей и уполномоченныхъ (Собр. Гос. грам. и дох. Т, I. № 202).

Соборъ въ 1613 году былъ составленъ слѣдующимъ образомъ: 1) духовныя власти—архіереи, архимандриты и игумены по приглашенію безъ выбора; 2) придворные чины — бояре, окольничьи, кравчій, чашникъ, стольникъ и другіе, также безъ выбора; 3) дворяне московскіе, также безъ выбора и 4) выборные и уполномоченные отъ городовъ какъ духовные, такъ и дворяне, казаки, посадскіе и уѣздные люди, смотря потому, кому мѣстное общество дало свое полномочіе, безъ различія званій и состояній.

Изъ перечня лицъ присланныхъ городами, сохранившагося въ Государственномъ Архивѣ видно, что составъ былъ самый разнообразный. Нѣкоторые города присылали преимущественно духовныхъ, другіе посадскихъ, третьи боярскихъ дѣтей, четвертые стрѣльцовъ, казаковъ и такъ далѣе. Но большинство городовъ присылало по нѣсколько человѣкъ въ числѣ которыхъ, были священники, были

дворяне, были и посадскіе люди, а также стрѣльцы и казаки. Составъ этотъ вполнѣ доказываетъ, что выборные нигдѣ не избирались по сословіямъ, а были исключительно излюбленными людьми, уполномоченными цѣлаго мѣстнаго общества, не обращавшаго ни малѣйшаго вниманія на сословіе избраннаго лица.

Результатомъ Собора 1613 года было такое же утвержденіе и укрѣпленіе началъ Самодержавія какъ и Собора 1548 года. Это былъ четвертый Земскій Соборъ. Онъ находился въ Москвѣ весьма долго; почти три года. Во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ выслушивалось мнѣніе Собора, такъ что управленіе русской землею въ эти года было вполнѣ народное, опиравшееся на волю народа. Царь былъ еще очень молодъ, такъ какъ вступилъ на престолъ всего шестнадцати лѣтъ отъ роду. Окружавшіе его бояре, т. е. боярская дума, въ свою очередь опасалась принять на себя тяжелую отвѣтственность управленія страною, такъ какъ враги еще тревожили государство: въ рукахъ шведовъ и поляковъ были нѣкоторые города, а главнымъ образомъ тяжело было Царю и боярской думѣ потому, что казна была въ конецъ опустошена, а расходы на содержаніе войска, царскаго двора, управленіе страною и прочее были весьма значительны. Значеніе Собора было весьма важное. Отъ имени Собора писались окружныя грамоты во всѣ города русской земли и даже онъ сносился съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ, предлагая ему вывести польскія войска изъ русской земли, освободить задержанныхъ имъ русскихъ пословъ и размѣняться плѣнными. Земскій Соборъ имѣлъ свою особую печать, носившую названіе: земская печать; она была изъ чернаго воска. Грамота къ Сигизмунду была кромѣ земской печати запечатана еще печатью казанскаго митрополита изъ краснаго воска. (Соб. Гос. грам. и дог. Т. Ш, № 4 и № 7). Одновременно съ царской грамотой послана была грамота Земскаго Собора къ Строгоновымъ; требовалась уплата слѣдуемыхъ въ казну доходовъ и просили деньги взаймы и продовольствіе для войска (Ак. ар. эк. Т. Ш, № 4). Тѣми же государственными актами удостовѣряется посылка Земскимъ Соборомъ въ 1614 году грамотъ Донскимъ и Волжскимъ казакамъ, которыми убѣждали ихъ общими силами дѣйствовать противъ Ивана Заруцкаго и Марины Мнишекъ. Помимо этого послана была грамота самому Заруцкому, въ которой обѣщалось помилованіе, въ случаѣ если онъ выразитъ покорность Государю (Ак. ар. эк. Т. Ш, №№ 23, 25 и 39). Въ 1615 году этотъ же самый нераспущенный Земскій

Соборъ «по указу Государя и по приговору всей земли русской» опредѣлилъ, «чтобы со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей, со всякихъ животовъ служилымъ людямъ деньги пятая доля взять» (Ак. ар. эк. Т. Ш, № 68).

Наконецъ въ началѣ 1616 г., царь и его боярская дума нашли возможнымъ отпустить по домамъ выборныхъ, входившихъ въ составъ Собора, при чемъ, собственно говоря, это не было прекращеніе засѣданій Собора, а только замѣна прежнихъ выборныхъ новыми, такъ какъ въ январѣ 1616 года, немедленно вслѣдъ за распущеніемъ выборныхъ, посланы были по всѣмъ городамъ грамоты о присылкѣ въ Москву новыхъ выборныхъ для Земскаго Собора. Въ государственномъ архивѣ имѣется грамота, писанная 12 января 1616 года, въ которой говорится слѣдующее: «велѣно вамъ прислати къ намъ къ Москвѣ, для нашего великаго дѣла на совѣтъ, Пермичь, посадскихъ людей, лучшихъ и середнихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ людей; тотчасъ, не мѣшкавъ ни часу и на Москвѣ тѣмъ людямъ велѣно явиться въ Посольскомъ приказѣ, думному дьяку нашему Петру Третьякову». (Ак. ар. эк. т. III, № 77).

Эти новые выборные, въ апрѣлѣ 1616 года, присутствовали на Соборѣ въ царскихъ палатахъ, и, разсуждая о бывшей тогда войнѣ съ Польшей, постановили приговоръ, о которомъ въ царской грамотѣ отъ 29 апрѣля 1616 г., говорится слѣдующее: «И на Соборѣ всѣхъ великихъ россійскихъ государствъ митрополиты, архіепископы, епископы и весь священный Соборъ, и бояре и окольничьи и стольники, и стряпчіе, и всѣ ратные люди и московскіе и всѣхъ городовъ гости и торговые и выборные всякіе люди приговорили: на ратныхъ людей, чѣмъ ратнымъ людямъ подмогати, собрати денегъ съ Москвы и со всѣхъ городовъ и съ посадовъ и съ уѣздовъ сошныя деньги, и съ гостей и съ торговыхъ со всякихъ людей, чей кто ни буди и съ монастырей, которые торгуютъ съ животовъ пятую деньгу, а съ Максима, и съ Никиты и съ Андрея и Петра Строгоновыхъ, власти и всѣхъ городовъ выборные люди приговорили взяти съ вотчинъ и промысловъ и животовъ сорокъ тысячъ рублевъ». (Ак. ар. эк., т. III, № 81).

Кромѣ того интересно обратить вниманіе на особо установившійся въ эти годы дѣятельности Земскаго Собора, не бывалый до того порядокъ: царь Михаилъ Ѳедоровичъ письменно сносился не только съ Соборомъ, но и съ боярами. Такъ напримѣръ, до насъ дошло нѣсколько грамотъ содержаніемъ своимъ доказывающихъ, что весьма

часто отъ имени Собора, царю писали бояре. Есть одна изъ нихъ подписанная Ѳ. И. Мстиславскимъ. Въ ней онъ къ своей фамиліи прибавляетъ слова: «съ товарищи». Такъ какъ въ то время ничего не предпринималось безъ санкціи представителей Земскако Собора, слова эти указываютъ на то, что посланіе къ царю было написано отъ имени и по порученію Земскаго Собора.

Послѣ того, когда въ 1616 году, зимою разъѣхались по домамъ выборные въ 1613 году люди и на мѣсто ихъ въ началѣ весны 1616 года съѣхались въ Москву новые избранники народа, состоялось, какъ говорятъ нѣкоторые писатели, засѣданіе Земскаго Собора въ 1617 году, но ровно никакихъ свѣдѣній о предметѣ совѣщаній не сохранилось.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ апрѣлѣ 1618 года было засѣданіе Собора, на которомъ самъ государь заявилъ, что мѣстничество бояръ очень вредно отзывается на теченіи государственныхъ дѣлъ. Соборъ вполнѣ съ нимъ согласился и порѣшилъ: «отмѣнить обычай мѣстничества до 1620 г.».

Слишкомъ уже въѣлось въ плоть и кровь бояръ считаться мѣстами и даже на войнѣ отказываться отъ службы, споря о томъ, кто по разряднымъ книгамъ стоитъ выше и ниже. Только этимъ и слѣдуетъ объяснить, что не рѣшились совсѣмъ уничтожить мѣстничество, а сдѣлали маленькую уступку ради военнаго времени, т. е. пріостановить мѣстничество на два года.

9 сентября 1618 г. снова состоялось засѣданіе Собора въ присутствіи государя и въ его царскихъ палатахъ. Оно было вызвано весьма важнымъ событіемъ. Королевичъ Владиславъ уже подступилъ къ Можайску и издалъ грамоту къ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ Московскаго государства, въ которой доказывалъ свои права на престолъ и напоминалъ, что какъ Михаилъ Романовъ, такъ и другіе бояре цѣловали ему крестъ.

Хотя Владиславу не удалось взять Можайскъ, но онъ направлялся въ Москву и положеніе было крайне опасно, такъ какъ противъ Москвы на помощь Владиславу двигался гетманъ Сагайдачный съ 20,000 казаковъ. Изъ дошедшаго до насъ акта видно, что Михаилъ Ѳедоровичъ произнесъ глубоко растрогавшую выборныхъ рѣчь, въ которой высказалъ рѣшимость стоять до послѣдней капли крови, но не выходить въ поле, а «остаться въ Москвѣ въ осадѣ и отсюда сражаться съ поляками». Государь заключилъ рѣчь слѣдующими словами: «и они бъ митрополиты (за симъ идетъ перечисле-

ніе всѣхъ чиновъ) за православную христьянскую вѣру и за него государя и за себя съ нимъ государемъ въ осадѣ сидѣли и противъ недруга его Литовскаго королевича Владислава и польскихъ и литовскихъ людей, и нѣмецъ и черкасъ стояли крѣпко и съ ними бились, сколько Богъ помочи подастъ, а на королевичеву и не на какую прелесть не покушалися». На это, единодушно и восторженно, всѣ представители Собора заявили государю и поклялись стоять за него, сидѣть съ нимъ въ осадѣ «безо всякаго сумнѣнія» и биться съ непріятелемъ «до смерти, не щадя головъ своихъ».

Соборъ и государь достигли желанной цѣли. Дружными усиліями русскихъ людей, Владиславъ, потерпѣвъ пораженіе, отступилъ и предложилъ мириться, но миръ, заключенный 1 декабря 1618 г. въ Деулинѣ, былъ весьма для Россіи невыгодный. Однако въ такомъ тяжеломъ положеніи невозможно было надѣяться на выгодный миръ. Довольно и того, что Владиславъ отказался отъ своихъ претензій овладѣть Московскимъ государствомъ.

Послѣдствіемъ этого былъ обмѣнъ плѣнныхъ, такъ что отецъ государя митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву, гдѣ вскорѣ по ходатайству Собора: «биша челомъ со слезами предъ государемъ» возсѣлъ на патріаршій престолъ.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что по поводу возведенія Филаретъ Никитича на патріаршій престолъ былъ особый Соборъ, но въ сущноости это было особое засѣданіе одного и того же Собора. Да и наконецъ, есть основаніе предполагать, что Соборы при Михаилѣ Ѳедоровичѣ имѣли характеръ постоянно дѣйствующаго учрежденія.

Новопоставленный патріархъ произвелъ нѣкоторыя весьма важныя реформы при помощи того же Собора, совѣщавшагося по поводу крайне неравномѣрнаго распредѣленія податей. Они изыскивали средства правильно «распредѣлить подати», «уничтожить неурядицы» и «земля устроити». Въ лѣтописи говорится: «И государь... Михайло Ѳедоровичъ съ отцомъ своимъ свѣтѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ... и съ митрополиты, и съ архіепископы, и со всѣмъ освѣщеннымъ Соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня Соборъ о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и земля устроити». Соборъ постановилъ послать писцовъ и дозорщиковъ, приведя ихъ къ крестному цѣлованію и «давъ имъ полные наказы, чтобы они описали и дозрили всѣ городы въ правду безъ посуловъ».

Послѣ царской грамоты о прекращеніи безпорядковъ и притѣсненій со стороны правителей, разосланной противъ обыкновенія не воеводамъ и приказнымъ людямъ, а прямо на имя мѣстныхъ земщинъ, такъ что грамота эта имѣла значеніе охраннаго листа, ограждавшаго земство противъ воеводскихъ притѣсненій, о чемъ ясно сказано въ самой грамотѣ: «тѣсноты бъ вамъ и продажи и иныхъ налогъ не чинилось, и во всемъ бы въ наше царское милосердіе были надежны»...

Затѣмъ въ 1621 году былъ созванъ въ Москвѣ новый Земскій Соборъ по поводу того, что Турецкій султанъ, Крымскій ханъ и Шведскій король предложили царю въ союзѣ съ ними начать войну противъ Польши. Соборъ этотъ, засѣдавшій впервые въ большой государевой грановитой палатѣ подъ предсѣдательствомъ государя и патріарха, состоялъ изъ духовенства, бояръ, думныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцевъ, казаковъ, всякихъ служилыхъ людей, гостей, торговыхъ людей и всякихъ жильцовъ Московскаго государства. Государь и патріархъ открыли Соборъ рѣчами, въ которыхъ указывали всѣ обиды и неправды, претерпѣваемыя отъ польскаго царя и его ставленниковъ и признавали всѣ выгоды предлагаемаго союза. Въ отвѣтъ на это соборъ единодушно просилъ царя стоять за Божьи церкви и за свою «государскую честь» и что всѣ они «за нихъ государей и за ихъ государство противъ Польскаго и Литовскаго короля ради битися не щадя головъ своихъ». Кромѣ того, «гости и торговые люди били челомъ, что они имъ государемъ, въ помочь ихъ государевѣ казнѣ, ради съ себя давати деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ».

Однако всѣ военныя дѣйствія русскихъ войскъ оказывались неудачными и кромѣ того сами союзники совершенно охладѣли къ дѣлу.

Существуютъ весьма разнорѣчивыя мнѣнія о томъ, продолжалъ ли вышеописанный Соборъ свои засѣданія до весны 1622 г. или былъ созванъ тогда новый Соборъ. Во всякомъ случаѣ почти не представляетъ сомнѣній то обстоятельство, что съ 1622 г. Земскіе Соборы уже не длились долго и вообще утеряли постоянный характеръ и созывались исключительно для особыхъ, отдѣльныхъ случаевъ, засѣдая весьма непродолжительно. Повидимому государственный строй окрѣпъ на столько, что не нуждался уже въ постоянной опорѣ на волю народа, а еще менѣе въ постоянныхъ совѣщаніяхъ съ представителями всего земства.

Тотчасъ послѣ смерти польскаго короля Сигизмунда, послѣдовавшей въ 1632 г., въ Польшѣ возникли большія смуты и полная неурядица. Такимъ положеніемъ вещей правительство царя Михайла порѣшило воспользоваться для уничтоженія невыгодныхъ условій Деулинскаго договора. Однако правительство поступило неосторожно и понадѣявшись на свои силы и средства не обратилось тотчасъ къ народу съ просьбой денежной помощи, а когда пошли большія военныя неудачи, главнымъ образомъ по отсутствію средствъ, тогда только въ 1633 г. созванъ былъ Соборъ, вслѣдствіе котораго царскимъ указомъ поручено было: «сбирать деньги: боярину князю Д. М. Пожарскому, да архимандриту Левкею, да М. Ѳ. Глѣбову, да дьякамъ... В. Копнину, да Б. Степанову съ бояръ, съ окольничихъ, и съ дворянъ, и съ дьяковъ, и съ гостей, кто что дастъ, да и съ гостей же и съ торговыхъ людей пятую деньгу». Подлинный актъ этого Собора утерянъ, но имѣется прямое, несомнѣнное указаніе на то, что онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ наказѣ данномъ государемъ Дмитрію Михаиловичу Пожарскому и архимандриту Левкію съ товарищи. Соборъ этотъ продержался до самаго окончанія войны.

Однако уничтожить условія Деулинскаго договора царю Михаилу не удалось и хотя былъ заключенъ съ Польшей: «вѣчный міръ», но это обошлось Россіи, кромѣ разныхъ другихъ потерь, въ 200,000 рублей, уплоченныхъ Владиславу, якобы за отказъ отъ титула Московскаго царя.

Имѣются нѣсколько смутныя указанія на то, что въ томъ же году былъ еще одинъ Соборъ, созванный по поводу оскорбленій, нанесенныхъ въ Крыму московскимъ посламъ.

Вполнѣ несомнѣнныя свѣдѣнія существуютъ о томъ, что въ 1637 году былъ созванъ Соборъ по случаю войны начатой съ Турецкимъ султаномъ, пославшимъ Крымскаго хана отнять Азовъ, взятый донскими казаками. Царь Михаилъ послалъ казакамъ грамоту, содержавшую выговоръ за самовольное дѣло, возбудившее опасную войну, но все же производились сборы денегъ, ради: «избавленія православныхъ крестьянъ противъ такого недруга Крымскаго царя стоять и какими обычаи ратныхъ людей сбирать и чѣмъ строить». Рѣшено было: «съ нашихъ дворцовыхъ селъ взять ратныхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку, а съ патріарха и съ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и большихъ монастырей указали есмя взять съ земель, съ вотчинъ даточныхъ людей пѣ-

шихъ съ десяти дворовъ по человѣку, а съ бояръ, съ окольничьихъ и съ думныхъ людей и со всякихъ чиновъ людей, съ помѣстій и съ вотчинъ съ двадцати дворовъ по человѣку, а съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей, а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей указали есмя взять ратнымъ людямъ на жалованье, съ десяти дворовъ за даточнаго человѣка по двадцати рублевъ, съ двора по два рубля».

Наконецъ по поводу того же Азова былъ еще разъ созванъ Соборъ, состоявшійся 3-го Января 1642 года въ Москвѣ, въ Столовой избѣ въ присутствіи государя и патріарха.

Послѣ перваго Собора, созваннаго царемъ Грознымъ, это самый важный полный интереса Соборъ, хотя поводъ его именно убійство Донскими казака и турецкаго посла, грека Ѳомы Кантакузена, взятіе приступомъ Азова и избіеніе всего мусульманскаго населенія, повидимому не затрогиваетъ кровныя, чисто-земскіе интересы русской земли.

Когда казаки извѣстили царя, что они, осажденные въ Азовѣ, отбили 24 приступа 240,000 тысячной арміи турецкаго султана Ибрагима 1-го, что уронъ турокъ былъ 20,000 человѣкъ и что турецкая армія отступила и возвратилась въ Константинополь, царь послалъ казакамъ похвальную грамоту, хвалилъ ихъ, увѣщалъ «стоять крѣпко» и прибавилъ къ этому болѣе вещественное доказательство своего удовольствія, выславъ казакамъ 5000 рублей.

По достовѣрнымъ, оффиціальнымъ доказательствамъ можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что въ теченіе весьма продолжительнаго царствованія Михаила Ѳедоровича именно 32 года, было семь Соборовъ и въ первые шесть лѣтъ Соборъ не прекращалъ своей дѣятельности, а только по истеченіи трехъ лѣтъ отъ созванія Собора одни выборные были замѣнены другими.

Первые три Собора имѣли постоянный характеръ совѣщательнаго учрежденія при царѣ. Послѣ же освобожденія митрополита Филарета изъ польскаго плѣна и возведенія его на патріаршій престолъ, остальные четыре Собора собирались только для разрѣшенія какихъ-либо опредѣленныхъ вопросовъ и затѣмъ, по окончаніи дѣла, распускались.

Вообще характерныя особенности этихъ Соборовъ заключались во-первыхъ въ томъ, что въ нихъ довольно рѣзко выдѣлялись двѣ отдѣльныя группы, а именно первая группа, состоявшая изъ

высшаго духовенства, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей и вторая изъ служилыхъ и жилецкихъ, выбранныхъ отъ городовъ и селъ всей русской земли. Первая группа засѣдала въ Соборѣ не по выбору, а такъ сказать въ силу своего положенія какъ ближайшіе и постоянные царскіе совѣтники и слуги. Вторая группа засѣдала какъ избранники и уполномоченные всѣхъ городовъ и селъ русской земли. Однако какъ первая, такъ и вторая группы пользовались совершенно одинаковыми правами, какъ при совѣщаніяхъ, такъ и при подачѣ голосовъ.

Во-вторыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что строго опредѣленной и единообразной формы веденія дѣла на Соборѣ не было установлено. Форма эта была смѣшанная, то письменная, то устная. Случалось, что къ выборнымъ опредѣлялись государевы дьяки, которые до нѣкоторой степени не столько направляли и руководили ими, сколько служили такъ сказать секретарями. Случалось и такъ, что къ стольникамъ приставляли одного дьяка, къ дворянамъ другаго, къ стрѣлецкимъ головамъ и жильцамъ третьяго. Такъ напримѣръ было въ Соборѣ 1642 года.

Во всякомъ случаѣ большинство требовало уравненія всѣхъ въ платежѣ налоговъ, уничтоженіе особыхъ привиллегій для нѣкоторыхъ, указаніе на причины золъ.

Что касается главнаго вопроса, т. е. оставить или нѣтъ Азовъ за собою, предписано было казакамъ возвратить Азовъ туркамъ. Казаки были этимъ крайне не довольны; однако, вынужденные подчиниться царской волѣ, ушли изъ Азова, но все же разрушили его до основанія.

Такъ или иначе, но Михаилъ Ѳедоровичъ, выбранный волею народной, во все свое долголѣтнее царствованіе былъ вполнѣ народнымъ царемъ, всегда опирался на народъ и чутко прислушивался къ голосу народа, но къ сожалѣнію всегда находился подъ сильнымъ вліяніемъ патріарха, такъ что чрезмѣрная набожность много мѣшала дѣлу.

Кромѣ указанныхъ семи Соборовъ были еще такъ сказать неполные Соборы, совѣщанія съ людьми торговыми, такъ напримѣръ, по поводу предложенія купца Джона Марика посланнаго англійскимъ правительствомъ съ цѣлью помочь торговлѣ съ Персіей, а вѣрнѣе обезпечить путь въ Индію. На ходатайство Мерика боярская дума отвѣтила, что «такое важное дѣло безъ совѣта всей земли рѣшить нельзя» и созвала на совѣщаніе торговыхъ людей. Кончилось тѣмъ,

что Мерикъ уѣхалъ обратно почти ничего не добившись. Года чрезъ три, снова пріѣхалъ Мерикъ, именно въ 1620 году, хлопотать о томъ же и объявилъ, что англичане за предоставленіе имъ пути въ Персію дадутъ въ помощь казнѣ, «что будетъ пригоже». Правительство было расположено за сотню или другую тысячъ предоставить имъ право возить товары Волгой, но торговые люди и гости заявили, что это будетъ русской торговлѣ вредно и мнѣніе ихъ осилило взгляды на это бояръ и думныхъ людей, такъ что соглашеніе съ Мприкомъ вторично не состоялось.

IV.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

12 Іюня 1645 года, за смертью Михаила Ѳедоровича, на престолъ вступилъ кроткій, добрый, въ высшей степени заботливый о народѣ, сынъ его Алексѣй Михайловичъ, получившій еще при жизни прозвище «тишайшій государь».

Тотчасъ послѣ смерти Михаила былъ созванъ Земскій Соборъ, какъ положительно утверждаетъ Котошихинъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе историки, между прочимъ Гольштинскій посолъ Олеарій.

Цѣлью созванія этого Собора было закрѣпленіе за новымъ царемъ, волею всего народа, полной, ничѣмъ неограниченной власти.

Замѣчателенъ этотъ Соборъ тѣмъ, что на немъ кромѣ всѣхъ чиновъ людей, отъ патріарха и до гостей и торговыхъ людей участвовала еще и «чернь», какъ выразился Котошихинъ, т. е. простой народъ.

Послѣ этого Собора различными сословіями весьма часто подавались царю, такъ называемыя челобитныя, въ которыхъ выражались различнаго рода просьбы и пожеланія, а иногда жалобы на управленіе и судъ. Продолжалось это три года, и пожалуй тогда уже у царя и его ближайшихъ совѣтниковъ возникла мысль о необходимости составить Уложенную книгу и Судебникъ.

Однако, какъ ни кротокъ и добръ былъ царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ въ Москвѣ вспыхнулъ сильный мятежъ. Причиною его было наглое грабительство

бояръ. Очень вѣрно и ярко характеризуетъ положеніе дѣла Олеарій: «Илья Даниловичъ Милославскій, сдѣлавшійся тестемъ царя, вошелъ въ большую силу и сталъ покровительствовать своимъ родственникамъ и слугамъ, желавшимъ обогатиться на счеть государевой казны. Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ по имени Леонтій Степановичъ Плещеевъ, который былъ посаженъ главнымъ судьею въ Земскомъ Дворѣ или Приказѣ (Ратуша). Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ Приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими».

Нисколько не лучше былъ и другой родственникъ Милославскаго; Петръ Траханіотовъ. Но за то же оба понесли заслуженную кару. Народъ сначала жаловался царю, но челобитныя до него не доходили и, выведенный изъ терпѣнія, народъ поднялся лѣтомъ 1648 г., разграбилъ дома наиболѣе притѣснявшихъ его бояръ и по своему расправился съ своими злодѣями, убивъ Плещеева, Траханіотова и многихъ другихъ. Въ лѣтописи сказано: «Убиша міромъ Леонтья Плещеева, Петра Траханіотова казниша на пожарѣ». Дѣло дошло до того, что царь, сильно опасавшійся за любимца своего Морозова, главнаго виновника, вызвавшаго озлобленіе народа, со слезами просилъ народъ пощадить Морозова, не убивать его и ручался народу, что Морозовъ впредь будетъ вести себя, какъ благожелатель народа. Слезы, душившія царя, прервали его рѣчь и эта картина, такъ подѣйствовала на толпу, что весь народъ, низко преклонивъ головы, воскликнулъ: «Боже, сохрани его Царское Величество въ добромъ здравіи на многія лѣта! Какъ угодно Богу и его Царскому Величеству, такъ и будетъ!».

Только, благодаря этому уцѣлѣлъ Морозовъ, забравшій совершенно мягкосердаго, уступчиваго молодого царя въ свои цѣпкія руки. Онъ, что хотѣлъ то и дѣлалъ, какъ съ царемъ, такъ и съ цѣлымъ государствомъ и для этого придумалъ весьма не хитрый, но довольно прочный способъ: онъ породнился съ царемъ, женивъ его на дочери дворянина Милославскаго, а самъ женился на другой дочери того же Милославскаго.

Однако въ свою очередь царь нашелъ необходимымъ сдѣлать уступку народу. Поблагодаривъ народъ, онъ смѣстилъ Морозова и сослалъ въ Кирилловъ монастырь. Но конечно все это было сдѣлано для вида, для отвода глазъ, съ цѣлью успокоить раздраженный на-

родъ. Чрезъ мѣсяцъ или два послѣ мятежа царь возвратилъ изъ ссылки Морозова и приблизилъ его къ себѣ. Вліяніе Морозова на дѣла было громадно, но теперь относился онъ къ народу очень осторожно и старался снискать его расположеніе.

Тѣмъ не менѣе отношенія и положеніе до такой степени обострились, что необходимо было принять радикальныя мѣры для излѣченія государственнаго механизма. Сознана была вполнѣ необходимость въ новомъ судебникѣ и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, царь и близкіе его совѣтчики рѣшились искать опоры народа. Разосланы были по всей Россіи грамоты, призывавшія излюбленныхъ людей явиться на Соборъ къ 1-му сентябрю 1649 года.

Наконецъ собрались выборные и состоялся Соборъ 3 октября 1649 года. Царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ, съ освященнымъ Соборомъ и съ боярской думой: «слушалъ и выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ чтено, чтобы то все уложеніе впредь было точно и неподвижно. Государь указалъ написать уложеніе на списокъ и закрѣпить этотъ списокъ всѣмъ чинамъ Московскаго государства. Затѣмъ государь велѣлъ списать уложеніе съ подписями въ книгу и укрѣпить ее дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Съ этой же книги напечатать «многія другія книги и разослать ихъ по приказамъ и по городамъ».

Выписка заканчивается словами: «а какъ то Уложеніе по Государеву, Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу, чтено выборнымъ людямъ, и въ то время въ отвѣтной палатѣ, по Государеву указу, сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, да съ нимъ выборные люди».

Соборъ 1649 года состоялъ изъ двухъ палатъ, которыя по существу своему сходны съ англійскими палатами: верхней и нижней. Въ первой или верхней предсѣдательствовалъ самъ царь и засѣдали патріархъ, высшее духовенство и боярская дума. Вторая, или нижняя состояла изъ выборныхъ людей низшаго служилаго сословія, именно стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и тяглыхъ людей, именно гостей, гостинной и суконной сотень и черной сотни. Представителемъ правительства въ нижней палатѣ, такъ сказать ея предсѣдателемъ, былъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.

Сколько именно было всѣхъ членовъ Собора 1649 года неизвѣстно, такъ какъ довольно значительное число участвовавшихъ, по

различнымъ причинамъ, на подлинномъ спискѣ уложенія не подписались, а имѣется только 315 подписей. Весьма интересно то, что изъ числа рукъ къ списку уложенія приложившихъ, только 171 человѣкъ были грамотны, а остальные же 143 человѣка были неграмотны.

Относительно вопроса о томъ, какъ долго продолжались засѣданія Собора, т. е. какъ много времени понадобилось на составленіе уложенія, мнѣнія весьма различны, но большинство изслѣдователей полагаетъ, что засѣданія Собора длились около трехъ мѣсяцевъ. Срокъ изумительно краткій. Это вовсе не похоже на наши современныя законодательныя коммиссіи, работающія по нѣсколько лѣтъ.

Указъ о печатаніи перваго изданія Уложенія состоялся 7 апрѣля 1649 года, а самое изданіе появилось 20 мая того же года, а съ 14 іюня оно уже продавалось до 1 августа каждый экземпляръ по одному рублю, а позже 1 августа по 40 алтынъ.

Однако не слѣдуетъ заблуждаться, предполагая, что выборные русской земли принимали какое-либо активное участіе въ обдумываніи и составленіи Уложенія. Ровно ни малѣйшаго, такого рода участія они не принимали. Ихъ участіе было только пассивное. Вся ихъ дѣятельность выразилась только въ томъ, что они безмолвно и покойно слушали и, выслушавъ, когда приказано было приложили руки къ тому мѣсту гдѣ было указано. Все составлено и выработано въ окончательной формѣ коммиссіей подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго.

Такимъ образомъ выборные всей русской земли безмолвствовали какъ статуи, какъ декорація, но тѣмъ не менѣе ихъ присутствіе признавалось необходимымъ, какъ доказательство народнаго согласія, какъ выраженіе народной воли, все же это признавалось народной санкціей.

Такимъ образомъ, очевидно, что Соборы при Алексѣѣ Ѳедоровичѣ вовсе уже не имѣли того характера какъ при Іоаннѣ Грозномъ, а въ особенности разнились отъ Соборовъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда выборные дѣйствительно давали совѣты, высказывали мнѣнія и все обсуждали.

Послѣ Собора, на которомъ составлено было Уложеніе былъ еще Соборъ, въ 1650 году, по поводу мятежей въ Новгородѣ и Псковѣ. Относительно этого Собора имѣются крайне скудныя свѣдѣнія и состоятъ исключительно въ Наказѣ царскомъ, данномъ выборнымъ людямъ, по которому они должны были ѣхать въ Псковъ. Слѣдовательно этотъ Соборъ состоялся не въ Москвѣ, а въ Псковѣ.

Послѣднимъ Соборомъ, состоявшимся въ царствованіи царя Алексѣя Михаиловича былъ Соборъ въ 1653 году; въ немъ присутствовалъ самъ царь и засѣданіе происходило въ Грановитой палатѣ. Рѣчь шла о сношеніяхъ съ Литвой и о принятіи «Гетмана Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго съ городами ихъ и съ землями подъ свою Государеву высокую руку»... какъ написано въ дошедшемъ до насъ актѣ о созваніи сказаннаго Собора.

Этотъ Соборъ напоминалъ старые Земскіе Соборы только тѣмъ, что на немъ присутствовалъ самъ царь, но въ сущности это не былъ Земскій Соборъ, такъ какъ, хотя въ немъ участвовали жилецкіе и служилые люди, но только московскіе, а отъ другихъ русскихъ городовъ никакихъ выборныхъ не было.

Послѣ этого Собора царь Алексѣй процарствовалъ еще 22 года, но ни раза Собора не созывалъ; надо полагать, что онъ пришелъ къ убѣжденію, что воля русскаго царя окончательно признавалась народомъ тождественной съ волею всего русскаго народа. Дѣйствительно ли такъ смотрѣлъ весь русскій народъ на дѣло управленія и на отношенія къ другимъ государствамъ неизвѣстно, но несомнѣнно, что такъ полагалъ царь и его приближенные.

Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 29 января 1676 года.

V.

Царь Өедоръ Алексѣевичъ.

Преемникъ царя Алексѣя не раздѣлялъ однако по этому вопросу взглядовъ родителя, и почти черезъ мѣсяцъ послѣ смерти отца, созвалъ во дворецъ выборныхъ людей изъ среды торговыхъ людей для совѣщанія съ ними о возможно лучшемъ устройствѣ торговли съ Персіей. Все, что посовѣтовали по этому вопросу собравшіеся купцы было принято царемъ къ свѣдѣнію и предписано къ выполненію, безъ малѣйшихъ измѣненій и перемѣнъ, что служитъ безусловнымъ доказательствомъ того уваженія, съ которымъ царь относился къ голосу своего народа.

Этотъ Соборъ состоялся въ 1676 году. Однако собственно говоря, это не можетъ быть названо Земскимъ Соборомъ, а только радой царской, совѣщаніемъ съ выборными одного только города Москвы, хотя и представителями исключительно народными.

Такого же характера былъ еще другой и Соборъ въ слѣдующемъ году по вопросу объ упорядоченіи торговли съ голландцами. По совѣту и указаніямъ купцовъ былъ заключенъ съ ними торговый договоръ.

За тѣмъ, въ 1681 году былъ опять созванъ Соборъ, носившій уже вполнѣ характеръ Земскаго Собора, такъ какъ вызваны были выбранные со всѣхъ русскихъ городовъ за исключеніемъ Сибири. Цѣль созванія Собора видна изъ первыхъ же словъ акта, дошедшаго до насъ, именно царскаго указа на имя князя Василія Голицына: «чтобы всѣмъ по его милостивому государеву разсмотрѣнію служить и всякія подати платить въ равенствѣ и не въ тягость»....

Послѣдній Соборъ состоявшійся въ царствованіи Ѳедора Алексѣевича созванъ былъ въ 1682 году съ цѣлью совѣщаній о введеніи возможно лучшаго порядка въ военной службѣ и кромѣ того опредѣлено было полное уничтоженіе мѣстничества, постоянно возбуждавшаго между боярами вражду, а тѣмъ, весьма естественно, сильно мѣшавшаго правильному отправленію какъ военной, такъ и гражданской службы. На этомъ Соборѣ, соборное опредѣленіе впервые утверждалось государевой рукою. На немъ царь написалъ: «Божью Милостью Царь и Великій Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, всея Великія, Малыя, Бѣлыя Россіи и Самодержецъ, во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искореневіе моею рукою подписалъ». Вслѣдъ за царской подписью слѣдовали подписи патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, архимандритовъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ комнатныхъ, выборные стольники, генералы, полковники рейтарскіе, полковники пѣхотные, стряпчіе, дворяне и жильцы. (Полн. Соб. Зак. № 905).

Соборовъ, бывшихъ въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, всего четыре за его короткое правленіе, продолжавшееся только шесть лѣтъ. Они существенно отличались отъ всѣхъ прежнихъ Соборовъ тѣмъ, что никогда не были голосомъ всей русской земли, а только выборныхъ одного или двухъ сословій. Однако эти Соборы имѣли несомнѣнное преимущество предъ всѣми другими въ томъ, что выборные дѣйствительно совѣщались, разсуждали, совѣтовали, наконецъ самостоятельно постановляли приговоры, которые вслѣдъ за тѣмъ утверждались царской подписью и получали силу закона.

Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 года и тот-

часъ былъ созванъ Соборъ, на которомъ патріархъ Іоакимъ предложилъ выборнымъ избрать наслѣдника престола. Въ актѣ объ этомъ сказано: «въ день кончины царя Ѳедора Алексѣевича Святѣйшій Іоакимъ, патріаръ Московскій и всея Русіи и власти и бояре пошли въ переднюю палату и говорили объ избраніи на царскій престолъ благородныхъ государей царевичей, а по немъ великомъ государѣ остались братья его государевы: благовѣрный государь цесаревичъ и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ и благовѣрный государь, царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ»...

Всѣ бояре, окольничьи, думные и ближніе люди единодушно отвѣтили патріарху: «да будетъ по избранію всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ людей, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцемъ благовѣрный государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ» (Пол. Соб. Зак. № 915).

Въ этомъ Соборѣ участвовали нераспущенные еще выборные 1681 года, а также гостинныя и черныя сотни, а потому едва ли правы тѣ ученые, которые находятъ этотъ соборъ «плачевнымъ искаженіемъ Земскаго Собора», забывая, что въ немъ участвовали выборные всей русской земли, а не только Москвы.

VI.

Петръ Алексѣевичъ.—Екатерина I.—Петръ II.—Анна Ивановна. — Елизавета Петровна. — Петръ III.—Екатерина II.

Единодушное избраніе Петра Алексѣевича Самодержцемъ всей русской земли нисколько не помѣшало насильственной отмѣнѣ этого опредѣленія. Мятежная шайка стрѣльцовъ рядомъ съ нимъ посадила на престолѣ брата его Іоанна Алексѣевича и обоихъ ихъ отдала подъ опеку старшей ихъ сестрѣ Софьѣ, назначивъ ее правительницею.

Конечно такая дерзость распущеннаго войска и такое неуваженіе къ рѣшенію всего духовенства, бояръ и выборныхъ должно было произвести неблагопріятное впечатлѣніе на Петра Алексѣевича по отношенію къ значенію и силѣ Соборныхъ рѣшеній. Соборовъ вовсе

въ продолженіи своего царствованія онъ не созывалъ, за исключеніемъ созваннаго имъ Собора по поводу крѣпости Азовъ.

Впрочемъ, нѣкоторые историки утверждаютъ, что Петромъ I былъ созванъ кромѣ того въ 1698 г. 21 октября Земскій Соборъ для суда надъ царевной Софьей.

По смерти Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 г., вдова его Екатерина I, взошедшая на престолъ русскихъ царей намѣревалась созвать нѣчто похожее на Соборъ 1619 года. Указомъ 21-го Марта 1727 года приказала учредить коммиссію, которой поручено было созвать выборныхъ всѣхъ чиновъ россійскаго государства для разсмотрѣнія положенія всѣхъ городовъ и земель и, принявъ въ соображеніе ихъ относительную доходность и благосостояніе, установить такого рода подать, которая бы всѣмъ одинакова была по силамъ и не обременительна и притомъ обсудить въ какой формѣ и въ какомъ порядкѣ, согласнымъ съ народною пользою, она должна быть сбираема. Предстояло разрѣшить вопросъ о томъ собирать ли эту подать подушно, какъ при Петрѣ Великомъ, или съ дворовъ, или съ тяголъ или быть можетъ съ земли, какъ въ старину. Кромѣ того предполагалось придумать способы для сокращенія государственныхъ расходовъ. Предписывалось все окончить къ Сентябрю, такъ чтобы возможно было съ этого срока взимать подать новоустановленнаго размѣра. Предсѣдателемъ сказанной коммиссіи былъ назначенъ князь Голицынъ.

Между тѣмъ 7 Мая 1727 года скончалась императрица Екатерина I; о коммиссіи совершенно забыли, такъ что предположенный Соборъ не былъ созванъ.

При императорѣ Петрѣ II, скончавшемся 17 Января 1730 года, не было ни одного Земскаго Собора, а при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ снова возникло намѣреніе созвать выборныхъ русской земли для составленія новаго Уложенія. Состоялся указъ объ этомъ, изданный 1 Іюня 1730 года, которымъ предписывалось Сенату по своему усмотрѣнію выбрать депутатовъ отъ дворянства, купечества и духовенства. Однако едва только начали съѣзжаться изъ разныхъ губерній избранные депутатами, какъ состоялса указъ отъ 10 Декабря 1730 года, которымъ предписывалось отослать депутатовъ обратно по мѣсту ихъ жительства и новыхъ не созывать (Соб. Зак. №№ 5567 и 5654).

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ долго не было никакихъ попытокъ созыва Соборовъ, къ которымъ она повидимому была на-

столько же нерасположена какъ и отецъ ея Петръ Великій. Однако не задолго предъ смертью, она рѣшила созвать Соборъ для ознакомленія всей Россіи съ вновь составленнымъ уложеніемъ. Указомъ Сената отъ 29 Сентября 1762 года предписано было вызвать изъ городовъ всѣхъ губерній и прислать въ Петербургъ къ 14 Января 1762 года по два выборныхъ отъ дворянъ и отъ купцовъ по одному; а отъ духовенства сколько Синодъ признаетъ нужнымъ. (Пол. Соб. Зак. № 11, 335). Однако императрица Елисавета Петровна скончалась 25 Декабря 1765 г. и созваніе Себора не состоялось.

Послѣ нея вступилъ на престолъ Петръ III, но процарствовалъ только немного болѣе полугода: никакихъ Соборовъ при немъ не созывалось. По смерти Петра III, послѣдовавшей 6 іюля 1762 г., на престолъ вступила его супруга Екатерина Алексѣевна, блестящее и славное царствованіе которой стяжало ей совершенно заслуженное наименованіе: Великой.

Ея начитанность, образованіе, сношенія со всѣми возвышенными умами ея времени, близкое знакомство и переписка съ выдающимися мыслителями конца XVIII вѣка, конечно дѣлаютъ понятными ея стремленія видѣть государство свое не только сильнымъ на полѣ брани, но насколько возможно распространить въ народѣ просвѣщеніе, вывести его изъ грубаго варварства и нелѣпыхъ предразсудковъ. Она задумала широкія реформы, но почти постоянная война съ Турціей и наконецъ Пугачевскій бунтъ, да затѣмъ сильное революціонное броженіе въ Европѣ, вынудили ее къ концу своего царствованія значительно съузить рамки ею задуманнаго. Между тѣмъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, она во многомъ высказывала сознаніе необходимости реформъ. Задумавъ по примѣру своихъ предковъ близко познакомиться съ чувствами и мнѣніями своихъ вѣрноподданныхъ, не только блестящей толпой тѣснящихся около престола, но всѣхъ русскихъ людей, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ, Императрица Екатерина II, 14 декабря 1766 г., издала Высочайшій манифестъ, которымъ учреждала въ Москвѣ коммиссію для составленія проекта новаго уложенія. Во всѣхъ распоряженіяхъ о составѣ коммиссіи, порядкѣ ея работъ, а также мѣстѣ засѣданій, именно въ Москвѣ, просвѣчиваетъ мысль государыни о томъ, чтобы это вновь учрежденное совѣщаніе избранныхъ людей русской земли, по характеру своему походило на старинные Земскіе Соборы, созываемые по волѣ самодержавныхъ государей русской земли.

Изъ содержанія Высочайшаго манифеста совершенно ясно, что

императрица желала, чтобы то учрежденіе, которое она назвала коммиссіей, имѣло вполнѣ характеръ Земскаго Собора, такъ какъ представители его избирались безъ различія сословій и чиновъ со всей русской земли, отъ всѣхъ городовъ. Вотъ, что говорится въ манифестѣ: «отъ каждаго уѣзда, гдѣ губерніи росписаны на уѣзды, гдѣ же уѣзды называются полки, рейсы или инымъ названіемъ, то также отъ сихъ такъ называемыхъ уѣздовъ, гдѣ есть дворянство, изъ каждаго по одному депутату. Отъ жителей каждаго города по одному депутату. Отъ однодворцевъ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ съ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ некочующихъ разныхъ, въ области нашей живущихъ народовъ, какого бы они закона ни были, крещеные или некрещеные, отъ каждаго народа каждыя провинціи по одному депутату. Отъ казацкихъ войскъ и войска запорожскаго, надлежитъ тѣмъ высшимъ командамъ, гдѣ они вѣдомы, примѣниваясь къ сему положенію, прислать потребное число депутатовъ. Всѣ же тѣ депутаты должны быть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду каждый».

Самый этотъ перечень депутатовъ доказываетъ, что коммиссія Екатерины II заслуживаетъ гораздо болѣе названіе «Земскій Соборъ», чѣмъ многіе Соборы, носившіе это названіе, но не имѣвшіе характера собранія представителей всей русской земли безъ различія чиновъ, сословіи и общественнаго положенія.

Въ наказѣ былъ указанъ порядокъ, въ которомъ должны совершаться выборы въ городахъ, селахъ и погостахъ; этотъ порядокъ, случайно или намѣренно, вполнѣ совпадаетъ съ порядкомъ выборовъ Соборовъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. При этомъ Екатерина II дѣйствовала совершенно противоположно Алексѣю Михаиловичу въ 1684 г., гдѣ депутаты оставались только безмолвными слушателями всего того, что придумывали, писали и говорили близкіе бояре царя и приставленные къ группамъ выборныхъ государевы дьяки. Нѣтъ, совершенно напротивъ! Императрица Екатерина въ наказѣ своемъ требовала, чтобы выборные *явились въ коммиссію съ наказами и прошеніями отъ своихъ избирателей и по выбору*; *она требовала, чтобы принимали дѣятельное участіе во всѣхъ обсужденіяхъ и дѣлахъ коммиссіи и самостоятельно составляли и редактировали узаконенія.*

Манифестъ 14 декабря 1766 г. былъ принятъ крайне сочув-

ственно всѣмъ населеніемъ государства; всѣ провинціи и города прислали въ Москву излюбленныхъ ими людей, снабдивъ ихъ подробными наказами, въ которыхъ пояснились всѣ мѣстныя нужды и обстоятельно указывались способы и средства для удовлетворенія нуждъ и устраненія недостатковъ.

Словомъ это былъ вполнѣ Земскій Соборъ и даже непонятно, почему императрицѣ неугодно было дать этимъ коммиссіямъ болѣе подходящее для нихъ названіе, вполнѣ имъ соотвѣтствующее.

Всѣ записки, акты и всякаго рода бумаги, относящіяся къ этимъ коммиссіямъ, хранятся въ главномъ государственномъ архивѣ, но недоступны для публики и потому намъ неизвѣстно, что именно сдѣлали эти коммиссіи. Эта неизвѣстность, въ которую поставлено общество, несогласна съ волей Великой Императрицы, высказавшейся слѣдующимъ образомъ: «чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли о умоначертаніи сего вѣка и слѣдовательно могли найти тѣ правила, кои въ наставленіе служить будутъ».

Коммиссія, въ полномъ своемъ составѣ, пребывала въ Москвѣ *) годъ и пять мѣсяцевъ, а затѣмъ указомъ, состоявшимся 29 декабря 1768 г., была распущена по мѣстамъ жительства впредь до требованія новой явки. Все дѣлопроизводство перешло въ завѣдываніе частныхъ коммиссій, образованныхъ изъ состава того же распущеннаго собранія. Эти частныя коммиссіи за все продолженіе царствованія Екатерины II, не закончили возложеннаго на нихъ дѣла. Въ царствованіе императора Павла I, указомъ отъ 30 декабря 1796 г., эти частныя коммиссіи переименованы въ коммиссію составленія закона.

Хотя выборные этого послѣдняго Земскаго Собора, по тѣмъ или другимъ, причинамъ не могли завершить порученное имъ дѣло, но они принесли весьма значительную пользу тѣмъ, что дали возможность правительству Екатерины Великой основательно ознакомиться съ мѣстными нуждами и различными недостатками въ управленіи и хозяйствѣ областей. Доказательствомъ этому является то, что всѣ важнѣйшія реформы, совершенныя при императрицѣ Екатеринѣ II,

*) Отмѣтимъ еще разъ этотъ ярко характеризующій основную мысль Великой Екатерины. Не въ Петербургъ, гдѣ сама жила, звала она депутатовъ, какъ хотѣли было это сдѣлать Анна Іоанновна и Елизавета Петровна, а созывала въ Москву. Созывала туда, куда въ старину сзывались русскіе Земскіе Соборы!

оказываются выполненными послѣ этого Собора и земскіе интересы и вліяніе имѣло въ нихъ громадное значеніе.

Такія памятники, какъ учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи, изданное 7 ноября 1775 г., какъ уставъ благочинія, изданный 8 апрѣля 1782 г., какъ жалованная грамота благородному россійскому дворянству и городовое положеніе, изданныя 21 апрѣля 1785 г., служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ важности трудовъ депутатовъ послѣдняго Земскаго Собора.

Ему мы обязаны очень многимъ; печально только то, что до сихъ поръ труды депутатовъ лежатъ подъ спудомъ, досадно то, что завѣтъ Великой императрицы не выполненъ и не было возможности написать исторію этого послѣдняго Собора.

Между тѣмъ, въ виду созванія новаго Земскаго Собора, это было бы крайне поучительно и интересно.

Покончивъ этотъ сжатый обзоръ всѣхъ Земскихъ Соборовъ бывшихъ въ Россіи до начала XX столѣтія, скажемъ нѣсколько словъ о восторженныхъ чувствахъ, вызванныхъ золотыми, дивными словами Державнаго Самодержца, обнародованными въ Высочайшемъ манифестѣ 18 февраля 1905 г., а также въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ и затѣмъ въ Императорскомъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату того же числа, мѣсяца и года.

Яркая заря взошла надъ Россіей! Свѣтлую радость, увѣренность въ полной основательности надеждъ на свѣтлое будущее, вызвали эти золотыя царскія слова въ сердцахъ тѣхъ честныхъ и добрыхъ русскихъ людей, которымъ дорого и мило прежде всего чужое, общее благо, а потомъ уже свое.

Искреннее, глубокое, сердечное спасибо Русскому Царю за возможность проникнуться не только надеждой, но увѣренностью на освобожденіе русской мысли, русскаго слова отъ связывавшихъ ее цѣпей. Такое же громкое спасибо за увѣренность въ неприкосновенности и свободѣ личности, отнынѣ не подлежащей карѣ и всякаго рода стѣсненіямъ безъ слѣдствія и суда!

VII.

Заря Возрожденія.

Важнѣе всего, прежде всего и драгоцѣннѣе всего то, что мы слышимъ изъ устъ самого Державнаго Монарха. Вѣря ему безгранично, мы смѣло можемъ быть увѣрены въ предстоящемъ обновленіи и полномъ возрожденіи.

Въ доказательство такой увѣренности всѣхъ искреннихъ сыновъ отечества, приведемъ нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ словъ Монарха.

Изв. изъ Высочайшаго манифеста 18 февраля 1905 года:

«... памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка.

Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола нашего всѣ Русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ нами...».

Извлеч. изъ Высочайшаго Рескрипта, даннаго на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ:

«Преемственно продолжая Царственное Дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ моихъ—собраніе и устроеніе земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго Отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости своей, всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

И нынѣ предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи.

А по сему, хорошо зная многолѣтнюю, административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.....».

Извлеч. изъ Имен. Высоч. Указ. дан. Правит. Сенату:

«Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ Совѣтъ Министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимися усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія....».

Всѣ эти золотыя слова, всѣ эти твердо высказанныя пожеланія необходимыхъ реформъ при содѣйствіи всего народа, вызываютъ общее радостное настроеніе и въ корень уничтожаютъ смуту. Что могутъ сказать внутренніе враги въ защиту всякихъ дикихъ попытокъ, оправдываемыхъ прежде стремленіемъ къ достиженію свободы, когда самъ царь стремится къ тому же и зоветъ весь народъ на совѣщаніе?

Что бы тамъ ни было, чтобы ни думали и не говорили наши тайные и явные враги, мы вѣримъ въ этотъ, утвержденный преданіемъ старины глубокой, надежный путь къ нашему укрѣпленію, объединенію и обновленію.

Со временъ Ивана Грознаго, всегда въ моментъ тяжелыхъ испытаній просыпается русскій народъ и голосъ его доносится до царскаго слуха. Всегда въ тяжелую годину, русскіе цари прислушивались къ голосу народа и всегда это приносило громадную пользу правительству и всему населенію страны.

Смѣло, съ полной увѣренностью скажемъ, что въ XX вѣкѣ это окажется несравненно полезнѣе чѣмъ въ XVI вѣкѣ!...

VIII.

Русская печать о Земскомъ Соборѣ.

Ясное дѣло, что вся русская печать въ высшей степени сочувственно относится къ мысли о созваніи Земскаго Собора.

Въ какихъ только газетахъ, въ какихъ только журналахъ ни появляются сочувственныя статьи по вопросу о созывѣ Собора! Еще до Властнаго, Державнаго слова раздавшагося съ высоты престола, вопросы о Земскомъ Соборѣ горячо обсуждались. Въ его пользѣ въ его необходимости мало кто сомнѣвался.

Приведемъ нѣкоторые наиболѣе яркія изъ этихъ мыслей.

«Вѣсть о предстоящемъ созывѣ Земскаго Собора облетитъ весь земной шаръ и повсюду ободритъ нашихъ друзей...».

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ слѣдующимъ словамъ:

«Благодаренье Богу! Счастье, удача для всей Россіи, для всего русскаго дѣла, что вопросъ о реформѣ окончательно и безповоротно оконченъ въ благопріятномъ смыслѣ! Теперь отнимается послѣднее оружіе у тѣхъ, которые подъ личиной притворнаго человѣколюбія старались навязать намъ «почетный миръ». Теперь всякій сторонникъ реформы съ полнымъ и чистосердечнымъ убѣжденіемъ можетъ ратовать за безусловное проведеніе войны до побѣдоноснаго конца. Теперь всякая побѣда, всякое новое воодушевленіе общества и войска, всякая новая слава русскаго оружія послужатъ лишнимъ лавровымъ листомъ въ тотъ вѣнокъ, который будущія поколѣнія сплетутъ Реформѣ и ея Державному Создателю».

«Для нашего могучаго населенія, призваннаго отнынѣ къ сознательной жизни, не страшны ни внѣшніе, ни внутренніе враги. Ни японцамъ, ни анархистамъ не сломить мірскаго ума, не заглушить народнаго голоса»...

Въ своихъ маленькихъ письмахъ г. Суворинъ заявляетъ что 19 февраля 1905: «счастливѣйшій день въ его жизни» и что онъ «ждалъ этого дня съ нетерпѣніемъ юноши» и нѣсколько далѣе: «я узналъ о томъ со слезами радости».

Эту радость раздѣляетъ съ г. Суворинымъ вся Россія и конечно всѣ согласятся съ его мнѣніемъ, высказаннымъ въ томъ же маленькомъ письмѣ нѣсколько далѣе: «Какъ будетъ называться собраніе

представителей русской земли, Земским ли Собором, постоянной ли, непрерывно действующей государственной думой, это все равно»...

Совершенно справедливо, совершенно верно! Ни один сколько-нибудь здравомыслящій, честный гражданин русской земли против этого ничего имѣть не может. Дѣло в дѣлѣ, а не в кличкѣ!

При том, как-то странен, почти смѣшон этот страх пред словом, пред кличкой, пред названіем!

Странно слышать такія рѣчи, когда раздались с высоты престола дорогія, золотыя слова, как громкій церковный благовѣст в праздничный день, обрадовавшій, вызвавшій трепет по всей Россіи, да и пожалуй, пробудившій надежды и радостныя чувства во всѣх славянских землях.

Однако в семьѣ не без урода; то здѣсь, то там в печати мелькают странныя рѣчи, да прямо-таки нелѣпыя слова и мысли.

Правда, эти мысли высказывались многими днями раньше свѣтлаго, радостнаго Царскаго слова, прозвучавшаго на всю Россію и пожалуй люди, высказавшіе их, теперь стушуются и сами не рады, что их сболтнули, стремясь высказать свою консервативность и мнимую вѣрность воображаемым устоям.

Конечно, если бы такого рода мысли высказывались каким-либо тупым закоренѣлым крѣпостником, оплакивающим до сих пор уничтоженіе крѣпостнаго права, сидя безвыѣздно в каком-либо медвѣжьем углу—это было бы понятно. Если бы наконец такія мысли высказывал зазнавшійся бюрократ, упоенный долголѣтней силою и значеніем, как крупнѣйшее колесо государственнаго механизма, опасающійся потерять свою власть и значеніе — это было бы совершенно понятно.

Но увы, противниками Земскаго Собора являются представители науки, профессора, и даже редакторы журналов?

Вот напримѣр, мысли, высказанныя в «Новом Времени» профессором Демьяновым по поводу Земскаго Собора. Вот образчики его странных измышленій: «Кафтан, сшитый когда-то на 12-лѣтній возраст, но который хотят примѣрить и посмотрѣть, как он сидит на том же двадцатилѣтнем юношѣ».

Стоит ли оспаривать такую мысль? Стоит ли доказывать, что сравненіе болѣе чѣм неудачно и даже прямо нелѣпо и смѣшно?

Еще смѣшнѣе профессорскіе выводы и взгляды по поводу совершенно справедливаго мнѣнія о том что: «Мировой престиж русской монархіи поднимется тотчас же. Славянскіе народы от

всего сердца будутъ привѣтствовать этотъ великій актъ государственной жизни какъ возсіявшее солнце»...

На эту мысль профессоръ кафтанной маніи, возражаетъ слѣдующее: «Простите меня великодушно, если я съ вами не соглашусь. Произойдетъ напротивъ вотъ что: если вышеупомянутый кафтанъ окажется крѣпокъ и проченъ, то, наряженный въ него юноша, не окажется въ состояніи пошевелить ни рукой, ни ногою; если напротивъ юноша будетъ достаточно силенъ и мускулистъ, то кафтанъ разлѣзется по швамъ и нашъ юноша окажется въ положеніи, худшемъ положенія Тришки».

Но стоитъ ли толковать съ человѣкомъ, помѣшанномъ на какомъ-то кафтанѣ и воображающемъ, что его сравненіе чуть ли не геніально, будто бы высказываетъ какую-то дѣльную мысль, когда оно ни болѣе, ни менѣе, какъ явно смѣшно и нелѣпо?...

Что сказать о такомъ вопросѣ профессора: «Скажите какой прокъ будетъ отъ этого Собора?»

Многозначительны и по моему все объясняютъ, а въ особенности указываютъ цѣль статьи профессора слѣдующія заключительныя его слова, приведенныя имъ курсивомъ: «Мнѣ кажется, что для насъ теперь важнѣе всего: *соблюсти хладнокровіе*, не *теряться и какъ можно меньше торопливости*. Отсутствіе чего нибудь изъ этого тотчасъ же отзовется самыми пагубными послѣдствіями».

Хорошъ совѣтъ, нечего сказать. Домъ объятъ со всѣхъ сторонъ пламенемъ, а г. профессоръ совѣтуетъ: «какъ можно меньше торопливости».

Избави Богъ Россію отъ подобныхъ совѣтчиковъ!

Но по счастью въ томъ же номерѣ газеты очень основательно возражаетъ профессору г. Розановъ.

Еще лучше высказывается г. Меньшиковъ. Онъ говоритъ: «Смѣшно сравнивать западные земскіе чины съ нашими, сочиненными изъ обезьянства. Никогда наши старые Соборы не были сословными, а вся земля, какъ она есть, съ пестротою своихъ промысловъ и занятій входила въ Соборъ, какъ одно цѣлое.

До геркулесовыхъ столбовъ договорились «Московскія Вѣдомости». Тамъ какой-то мудрецъ, очевидно, крайне нуждающійся въ освидѣтельствованіи психическихъ способностей, заговорилъ о Земскомъ Соборѣ, связавъ его ни къ селу, ни къ городу съ отвратительнымъ преступленіемъ, совершеннымъ у стѣнъ Кремля. Изрекъ

мудрецъ слѣдующую благоглупость: «Земскій Соборъ—это дѣтская забава».

Однако довольпо; не будемъ отравлять свѣтлаго радостнаго настроенія, вызваннаго чуднымъ царскимъ словомъ, перечнемъ и указаніемъ глупостей, сказанныхъ такъ пекстати и такъ песвоевременно.

Будемъ лучше радоваться и веселиться. Да здравствуетъ Добрый, Сердечный Государь! Да здравствуетъ будущій Всероссійскій Земскій Соборъ!

